Ж-71

ДОВЪ

БИБЛІОТЕКА

ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ

ВЫСШИМЪ

женскимъ курсамъ.

Шкафъ Библ. Мих. V.

Полка 2.

№ 13. к. 2

Ж-71. Біогр. рус. писат. II м
Ш. 1
Б. М. V. 2. 13.
2678

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевскаго.

Съ портретомъ Грибоѣдова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

ЦѢНА 25 КОП.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1893

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 21 Мая 1893 г.

Русск. миссии. II

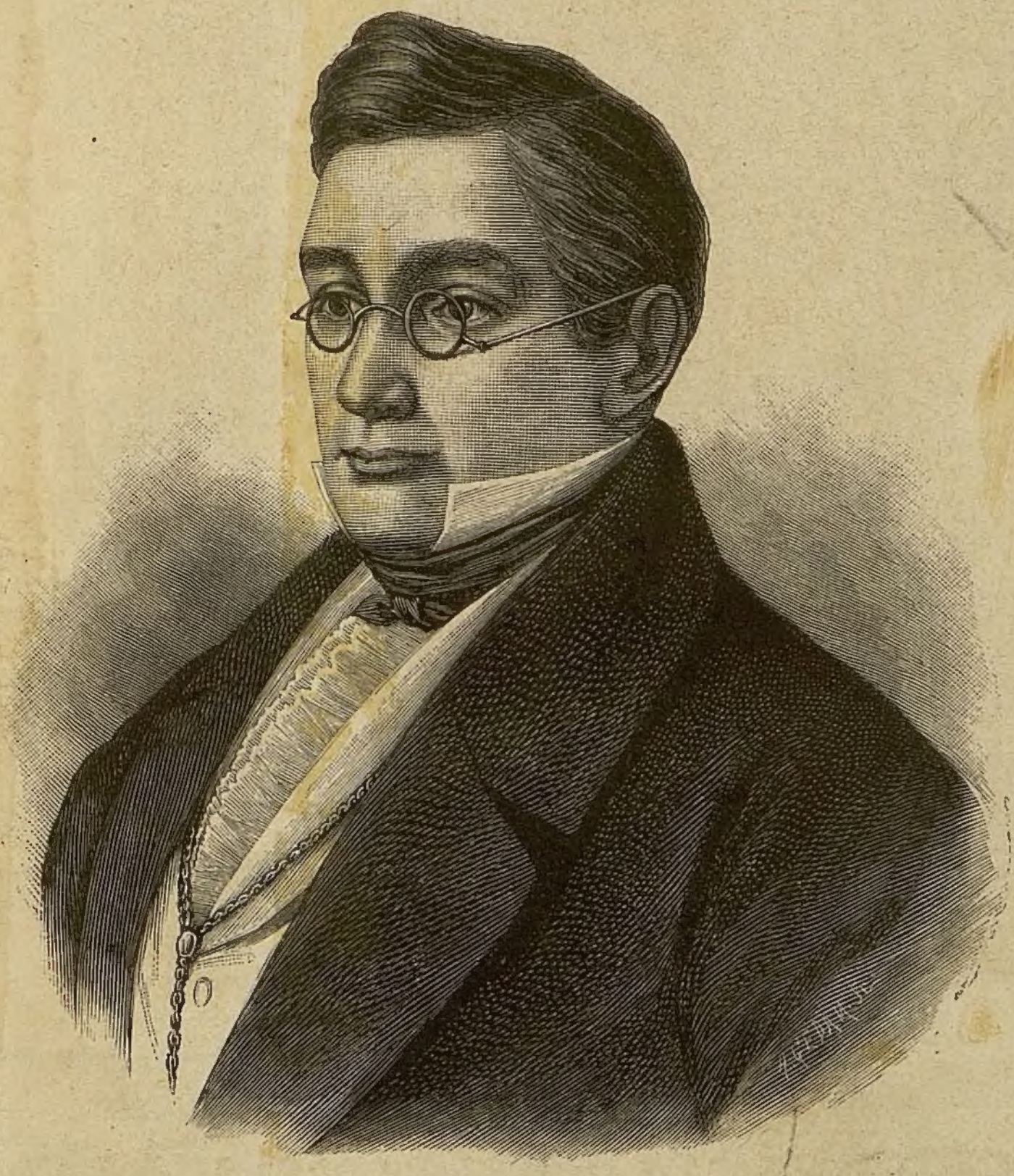
БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Лен. Гос. [illegible]
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

153
Б. М.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 20 ФЕВРАЛЯ 1893 Г.

ТИП. ТОВ „ОБЩ. ПОЛЬЗА" Б. ПОДЪЯЧ., 39



А. С. Грибоѣдовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТРАН.

I. Предки и родители А. С. Грибоѣдова.—Среда, въ которой онъ провелъ дѣтство.—Вліяніе общества и семьи на складъ его характера.—Домашнее образованіе Грибоѣдова и пребываніе въ Московскомъ университетѣ. — Вліяніе профессора Буле.—Первые литературные опыты. 5

II. Поступленіе въ ополченіе и гусарскій полкъ. — Кутежи и шалости.—Дружба съ С. И. Бѣгичевымъ и ея благотворное вліяніе.—Комедія «Молодые супруги».—Пріѣздъ Грибоѣдова въ Петербургъ и отставка.—Успѣхи въ свѣтѣ.—Физическія, умственныя и нравственныя качества Грибоѣдова.—Литературныя знакомства. — Сценическая дѣятельность.— Полемика. — Мировоззрѣніе Грибоѣдова.— Планъ драмы изъ войны 1812 года.—Наброски комедіи «Горе отъ ума» 11

III. Участіе въ дуэли Шереметева съ гр. Завадовскимъ.—Опредѣленіе переводчикомъ въ персидскую миссію.—Путешествіе изъ Петербурга въ Тифлисъ.—Дуэль съ Якубовичемъ.—Путешествіе изъ Тифлиса въ Тегеранъ и далѣе въ Тавризъ.—Служебная дѣятельность Грибоѣдова.—Жизнь въ Тавризѣ.—Новый приступъ къ комедіи «Горе отъ ума». 24

IV. Жизнь въ Тифлисѣ. — Грибоѣдовъ въ Москвѣ и въ имѣніи Бѣгичева.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Чтеніе комедіи въ литературныхъ кружкахъ. — Тщетныя хлопоты о постановкѣ пьесы и изданіи ея.—Полемика журналовъ по поводу «Горя отъ ума». — Жизнь въ Петербургѣ — Новыя знакомства.— Литературная дѣятельность. 35

V. Путешествіе по Крыму.—Ипохондрія.—Возвращеніе на Кавказъ.—Участіе въ экспедиціи Вельяминова.—Арестъ.—Путешествіе съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. — Заключеніе и оправданіе. — Жизнь на Выборгской сторонѣ. — Поступленіе подъ начальство Паскевича. — Персидская кампанія. — Неустрашимость Грибоѣдова. — Заключеніе Туркменчайскаго мира. — Послѣднее пребываніе въ Петербургѣ. — Награды и почести.—Трагедія «Грузинская ночь». — Посѣщеніе литературныхъ кружковъ. 47

СТРАН.

VI. Назначеніе Грибоѣдова министромъ-резидентомъ въ Персію.— Путешествіе на Кавказъ.—Участіе въ кампаніи Паскевича.— Женитьба Грибоѣдова на Нинѣ Александровнѣ Чавчевадзе.— Отправленіе въ Тегеранъ. — Раздраженіе персіанъ противъ русскаго посольства и его причины. — Мятежъ и избіеніе миссіи.—Погребеніе.—Судьба вдовы Грибоѣдова. 62

VII. Преимущества комедіи «Горе отъ ума» передъ прочими произведеніями Грибоѣдова.—Взгляды на нее Бѣлинскаго, Гончарова и Сенковскаго. — Общественное, историческое и общечеловѣческое значеніе комедіи Грибоѣдова. — Создалъ ли Грибоѣдовъ школу? 77

I.

Предки и родители А. С. Грибоѣдова. — Среда, въ которой онъ провелъ дѣтство. — Вліяніе общества и семьи на складъ его характера. — Домашнее образованіе Грибоѣдова и пребываніе въ Московскомъ университетѣ.—Вліяніе профессора Буле.—Первые литературные опыты.

Родители Александра Сергѣевича Грибоѣдова, какъ отецъ такъ и мать, оба по происхожденію Грибоѣдовы, принадлежали къ одному и тому-же старому дворянскому роду, вышедшему изъ Польши. Изъ старинныхъ грамотъ видно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ наградилъ Михаила Ефимовича Грибоѣдова «*за ево многія службы*» царю Василію Ивановичу (Шуйскому), совершенныя «*во нужное и во прискорбное время*». Цари-же Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ отличали Ѳедора Ивановича Грибоѣдова, сына Яна-Грымбовскаго, вызваннаго изъ Польши, какъ свѣдущаго законника для составленія Уложенія.

Сергѣй Ивановичъ, отецъ Александра Сергѣевича, сынъ Ивана Ѳедоровича, секундъ-маіоръ въ отставкѣ, былъ по всѣмъ даннымъ личностью совершенно ничтожною, не имѣлъ голоса въ семьѣ, подчинялся во всемъ полновластной супругѣ и не игралъ поэтому никакой роли въ жизни своего знаменитаго сына. Неизвѣстно, гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ служилъ, когда умеръ. Мы знаемъ только, что онъ не дожилъ до смерти сына. Мать-же Александра Сергѣевича, Настасья Ѳедоровна, умерла въ 1834 году, неутѣшно оплакивая до самой своей кончины нѣжно любимаго сына.

А. С. Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го января 1795 года. Еще и теперь сохраняется домъ, гдѣ онъ родился и провелъ дѣтство, на углу Новинскаго и Большого-Девятинскаго переулковъ, — фасомъ на двѣ улицы, двухэтажный, — нижній этажъ каменный, верхній—деревянный, оштукатуренный. Въ этомъ домѣ и проживало семейство Грибоѣдовыхъ, имѣвшее сверхъ сына Александра дочь Марію, отличавшуюся замѣчательной способностью къ музыкѣ, бывшую впослѣдствіи замужемъ за Дурново. Кварталъ, въ которомъ находился домъ Грибоѣдовыхъ, былъ въ своемъ родѣ московскимъ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Еще и теперь въ этомъ кварталѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Москвѣ, можно встрѣтить барскихъ домовъ-особняковъ, съ старинными фа-

садами, фронтонами и львами на воротахъ, окруженныхъ многочисленными службами. Здѣсь въ старину было сосредоточіе московскаго бомонда, старыхъ столбовыхъ дворянскихъ семей, составлявшихъ особый замкнутый міръ, связанный узами родства, дружбы, лукулловскихъ пиршествъ, безумнаго мотовства и одуряющихъ сплетень. Нравы этой среды представляли рядъ поразительныхъ противорѣчій: здѣсь мирно уживалась надменная дворянская гордость и незнавшая предѣловъ спѣсь рядомъ съ подобострастнымъ искательствомъ и азіатскимъ пресмыкательствомъ. Нигдѣ не замѣчался въ такой степени, какъ здѣсь, «нечистый духъ пустого, рабскаго, сонпаго подражанья», и нигдѣ такъ беззавѣтно «не отдавали все въ обмѣнъ на новый ладъ, и нравы, и языкъ, и старину святую». Но это не мѣшало господствовать здѣсь самому упорному старовѣрству, ужасавшемуся малѣйшихъ отступленій отъ принятаго. Все было сковано тупымъ косненіемъ въ родовыхъ барскихъ традиціяхъ, ненарушимыхъ обычаяхъ и приличіяхъ, строгомъ мѣстничествѣ чинопочитанія, наконецъ въ тѣхъ самыхъ старыхъ предразсудкахъ, о которыхъ Чацкій вопіялъ: «порадуйтесь, не истребятъ ни годы ихъ, ни моры, ни пожары!...»

Въ этой замкнутой средѣ были свои жрецы и хранители великосвѣтскаго культа, тѣ самыя княгини Марьи Алексѣевны, строгихъ приговоровъ которыхъ боялись даже убѣленные сѣдиною и заслуженные Фамусовы. Къ числу такихъ законодательницъ московскаго бомонда принадлежала и мать Грибоѣдова, Настасья Ѳедоровна. Эта была женщина заносчивая, тяжелаго характера, всѣхъ въ домѣ подчинявшая своей властной волѣ. Дворянская гордость ея тѣмъ болѣе была безпредѣльна, что, не говоря уже о древности рода самихъ Грибоѣдовыхъ, семья имѣла такую знатную родню, какъ князья Одоевскіе, Нарышкины, Римскіе-Корсаковы, графы Разумовскіе. Двоюродная-же сестра Александра Сергѣевича, Елизавета Алексѣевна была замужемъ за княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ. Такое родство заставляло Настасью Ѳедоровну всю жизнь и свою собственную, и домочадцевъ посвящать сохраненію достоинства рода Грибоѣдовыхъ. Оракуломъ для нея въ этомъ отношеніи былъ братъ ея Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ, котораго она считала образцомъ великосвѣтскаго тона и великимъ знатокомъ свѣта и людей. Ничего не дѣлала она безъ его совѣта, и слово его было для нея закономъ. Онъ предписывалъ и ей, и ея дѣтямъ строгій режимъ свѣтской жизни,—

съ какими людьми знаться, какихъ избѣгать, какимъ сильнымъ міра, которые могутъ пригодиться, дѣлать визиты, кого приглашать или не приглашать на вечера, и т. п.

Подъ гнетомъ этихъ двухъ непреклонныхъ хранителей великосвѣтскихъ традицій и приличій, нерадостную пришлось провести Грибоѣдову въ родительскомъ домѣ жизнь, развившую въ немъ ту меланхолію и нервную раздражительность, которыя онъ впослѣдствіи обнаруживалъ. Пока еще тянулись золотые дни нѣжнаго дѣтства, никто не мѣшалъ ему съ сестрою «являться и исчезать тутъ и тамъ, играть и шумѣть по стульямъ и столамъ», — но съ годами все болѣе и болѣе тяготѣла надъ юношей свѣтская дрессировка. Каждый шагъ его, все повседневное поведеніе были подвержены строгому контролю и заключены въ тѣсныя рамки порядочности; вся будущая карьера заранѣе предусмотрѣна и предопредѣлена въ тѣхъ видахъ, чтобы послѣдняя отрасль древняго дворянскаго рода вполнѣ поддержала достоинство его. А за матерью и дядей стояли сплоченные ряды родныхъ и друзей, которые въ свою очередь общимъ, единодушнымъ хоромъ возставали противъ мало-мальски самостоятельнаго шага молодого человѣка и подавляли каждый смѣлый молодой порывъ его. Все это съ годами болѣе и болѣе раздражало и ожесточало богато одареннаго Александра Сергѣевича, пока наконецъ онъ не разразился надъ всѣмъ московскимъ обществомъ безпощадной местью въ видѣ безсмертной комедіи, которая была такимъ образомъ не досужимъ измышленіемъ художественной фантазіи, а кровнымъ дѣломъ всей жизни.

Болѣе же всѣхъ ожесточилъ Грибоѣдова дядя, котораго воплотилъ онъ въ лицѣ Фамусова. По разсказу С. Н. Бѣгичева, Грибоѣдовъ, какъ только замѣчалъ, что дядя въѣзжалъ къ нимъ во дворъ, чтобы вести его на поклоненіе къ какому нибудь князю Петру Ильичу, раздѣвался и ложился въ постель. «Пойдемъ», приставалъ дядя. «Не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ», хитрилъ Грибоѣдовъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ онъ своего дядю въ одномъ оставшемся послѣ него черновомъ наброскѣ:

«Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующій,—характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ правахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэлировались, но всякій пылалъ не-

преодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ— въ карты или иначе; на службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затмѣнія. Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется нынѣ этого нѣтъ, а можетъ быть и есть, но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ, какъ левъ, дрался съ турками при Суворовѣ, но потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: «я, братъ».

Да какой степени сильное впечатлѣніе оставилъ въ Грибоѣдовѣ семейный гнетъ на всю его жизнь, мы можемъ судить изъ того, что впослѣдствіи, выйдя на свободу вполнѣ самостоятельной жизни, Грибоѣдовъ въ письмахъ къ друзьямъ не перестаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ протестовать противъ семейнаго деспотизма. Такъ, въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Петербурга, отъ ноября 1816 г., онъ замѣчаетъ: «Неужели заводчика корчишь? Передъ кѣмъ, скажи пожалуй? У тебя нѣтъ матери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ: будь такимъ, каковъ есть». Въ письмѣ-же къ князю Одоевскому изъ Кіева, отъ 10 іюня 1825 г., (т. е. когда ему было уже 30 лѣтъ) онъ пишетъ: «Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву; что же, отъ этого лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе. Какъ ты объ этомъ думаешь?»

Всего ужаснѣе, что впродолженіи всей жизни онъ не могъ видимо избавиться отъ семейной опеки, и ей, какъ увидимъ ниже, былъ обязанъ своей преждевременной и ужасной смертью.

Первоначальное образованіе Грибоѣдовъ получилъ, какъ это водилось въ то время во всѣхъ великосвѣтскихъ барскихъ домахъ, домашнее, подъ надзоромъ иностранныхъ гувернеровъ. Первымъ изъ нихъ былъ Петрозиліусъ, человѣкъ ученый, впослѣдствіи издавшій обстоятельный каталогъ московской университетской библіотеки. Въ свое педагогическое дѣло онъ внесъ слишкомъ уже много педантизма, который отшатнулъ отъ него живого и пытливаго воспитанника. Петрозеліуса смѣнилъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, которому пришлось быть не только прекраснымъ воспитателемъ, но

другомъ и совѣтникомъ Грибоѣдова. Каждый разъ, когда послѣдній пріѣзжалъ въ Москву, онъ первымъ дѣломъ искалъ увидѣться съ Іономъ, и его же избралъ въ секунданты на предполагавшейся дуэли съ Якубовичемъ. Послѣ смерти же Грибоѣдова, старикъ Іонъ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго Бѣгичевымъ, вспоминать добрые старые дни, и при этомъ слезы показывались на глазахъ собесѣдниковъ.

Подъ общимъ руководствомъ Іона, по спеціальности юриста, обладавшаго основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, мальчикъ обучался дома у разныхъ преподавателей, повидимому очень хорошихъ, между которыми были профессора университета, такъ напр.: Іоганнъ Готлибъ Буле преподавалъ Грибоѣдову философскія и политическія науки. Рано овладѣлъ юноша нѣсколькими иностранными языками и началъ изучать древнихъ и новыхъ классиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ навыкъ къ усидчивымъ ученымъ изслѣдованіямъ, поражающимъ въ его записныхъ тетрадяхъ и свидѣтельствующимъ, что изъ него могъ выработаться серьезный ученый.

Между прочимъ домъ Грибоѣдовыхъ славился своими музыкальными вечерами; здѣсь можно было слышать серьезную музыку лучшихъ московскихъ артистовъ. Это содѣйствовало развитію музыкальнаго вкуса въ дѣтяхъ, и они въ дѣтствѣ сдѣлались уже хорошими піанистами. Музыка впродолженіи всей жизни была любимѣйшимъ наслажденіемъ Грибоѣдова. Войдя въ кружокъ молодыхъ русскихъ музыкантовъ, Алябьева, Верстовскаго и др.. онъ овладѣлъ впослѣдствіи подъ руководствомъ петербургскаго профессора гармоніи Іоганна Миллера теоріей музыки и сдѣлался знатокомъ ея законовъ. Не ограничиваясь однимъ исполненіемъ чужихъ пьесъ, Грибоѣдовъ по цѣлымъ часамъ увлекалъ окружавшихъ дивными импровизаціями.

Послѣ домашняго образованія, въ 1810 году, когда мальчику было 15 лѣтъ, онъ былъ помѣщенъ въ Московскій университетъ на этико-политическій факультетъ съ цѣлью пріобрѣтенія кандидатскаго диплома въ видахъ болѣе успѣшнаго составленія служебной карьеры. А чтобы оградить юношу отъ дурного общества товарищей, не принадлежавшихъ къ избранному кругу, Грибоѣдовъ былъ опредѣленъ вольнослушателемъ и ходилъ въ университетъ не иначе, какъ съ гувернеромъ.

Московскій университетъ того времени далеко еще не былъ въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ въ 30-ые и 40-ые годы, но въ

немъ было нѣсколько достойныхъ спеціалистовъ, ветерановъ западной науки, вѣрныхъ преданіямъ просвѣтительнаго вѣка. Таковы были, кромѣ вышеупомянутаго Буле,—Геймъ, Рейнгардъ, Шлецеръ. изъ русскихъ — Сохацкій, Снегиревъ Спѣшневъ, Страховъ. Профессора называли студентовъ друзьями, принимали ихъ у себя на дому, входили во всѣ мелочи ихъ жизни и помогали, чѣмъ могли. Страховъ на святкахъ руководилъ студенческими спектаклями, и очень возможно, что этимъ спектаклямъ былъ обязанъ Грибоѣдовъ пламенной любви къ театру, которая не охладѣла впродолженіи всей его жизни и опредѣлила форму его литературной дѣятельности.

О времени пребыванія въ университетѣ Грибоѣдовъ во всю жизнь сохранялъ самыя отрадныя воспоминанія, и слѣды вліянія многихъ профессоровъ долго сказывались въ немъ. Въ это время пріобрѣтена была имъ и любовь къ изученію русской исторіи, и знакомство съ статистикой и политической экономіей, которое отразилось впослѣдствіи на заботахъ Грибоѣдова о составленіи статистическихъ таблицъ и описаніи Кавказа. Болѣе-же всего сознавалъ себя обязаннымъ Грибоѣдовъ Буле, вліяніе котораго на юношу тѣмъ болѣе было сильно, что онъ давалъ ему уроки ранѣе еще университета. Пользуясь почетной ученой репутаціей на Западѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ въ Геттингенѣ, Буле въ Москвѣ, не ограничиваясь университетскимъ преподаваніемъ, читалъ публичныя лекціи, курсы философіи, устраивалъ у себя на дому на нѣмецкій ладъ privatissimi и сверхъ того издавалъ нѣсколько періодическихъ изданій, между прочимъ «Журналъ изящныхъ искусствъ». Поклонникъ Аристотеля, онъ любилъ въ своихъ разсужденіяхъ трактовать о сущности и основахъ драмы, давая Грибоѣдову возможность теоретическаго изученія этого рода поэзіи, къ которому юноша чувствовалъ склонность. Особенно-же предпочиталъ Буле комедію и цѣлое сочиненіе посвятилъ душевной веселости и средствамъ поддерживать и развивать его. Какъ истый ложно-классикъ, образцовъ искалъ онъ въ классическихъ литературахъ, и Грибоѣдовъ подъ его вліяніемъ съ любовью относился къ древнимъ комикамъ, особенно Плавту и Теренцію. Ложно-классическая закваска, пріобрѣтенная подъ вліяніемъ Буле, сказывалась впослѣдствіи не только въ различныхъ литературныхъ взглядахъ и отношеніяхъ Грибоѣдова, но замѣтна и въ самой комедіи «Горе отъ ума», въ которой строго соблюдены авторомъ всѣ три единства: дѣйствіе ея сосредоточивается въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, — домѣ Фамусова, и совершается втеченіи однихъ сутокъ, начи-

наясь появленіемъ Чацкаго въ домѣ Фамусова рано утромъ и кончаясь позднимъ вечеромъ—разъѣздомъ послѣ бала.

Въ университетскіе годы начались первыя литературныя попытки Грибоѣдова. Нерѣдко читалъ онъ своимъ товарищамъ стихи своего сочиненія, большей частью сатиры и эпиграммы. Однажды же, въ началѣ 1812 года, онъ прочелъ своему воспитателю Іону и одному изъ товарищей отрывки изъ комедіи, и, по словамъ слушателей его, это были уже первые наброски комедіи «Горе отъ ума». Недружелюбно были встрѣчены матерью Грибоѣдова его первые литературные опыты. Она конечно боялась, чтобъ увлеченіе ими не отвлекло юношу отъ предначертанной карьеры, званіе же литератора и стихотворца представлялось чѣмъ-то крайне унизительнымъ съ точки зрѣнія московскаго великосвѣтскаго кодекса. По крайней мѣрѣ не только въ университетскіе годы, но и впослѣдствіи мать Грибоѣдова не иначе, какъ съ презрѣніемъ, отзывалась о литературныхъ занятіяхъ сына и срамила его въ присутствіи постороннихъ. Такъ, въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Воронежа, отъ 18 сент. 1818 г., Грибоѣдовъ между прочимъ пишетъ: «Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько-ли меня цѣнятъ, сколько, я думаю, этого стою; по по крайней мѣрѣ судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды за ужиномъ матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными...»

II.

Поступленіе въ ополченіе и гусарскій полкъ. — Кутежи и шалости. — Дружба съ С. И. Бѣгичевымъ и ея благотворное вліяніе. — Комедія «Молодые супруги».—Пріѣздъ Грибоѣдова въ Петербургъ и отставка.—Успѣхи въ свѣтѣ.—Физическія, умственныя и нравственныя качества Грибоѣдова. — Литературныя знакомства.—Сценическая дѣятельность.—Полемика —Міровоззрѣніе Грибоѣдова. — Планъ драмы изъ войны 1812 года. — Наброски комедіи «Горе отъ ума».

Война 1812 года, создавшая полный удали, отваги, предпріимчивости и жажды сильныхъ ощущеній типъ людей двадцатыхъ годовъ, не мало содѣйствовала эмансипаціи отъ семейной опеки молодыхъ людей великосвѣтскихъ слоевъ общества. Священная

обязанность защищать отечество избавляла ихъ отъ необходимости противъ воли, по принужденію старшихъ, гнуть шею передъ разными милостивцами и глотать канцелярскую пыль ради устройства карьеры, а главное дѣло удаляла ихъ изъ родного гнѣзда на просторъ самостоятельной жизни.

Къ числу такихъ юношей принадлежалъ и Грибоѣдовъ. Двухъ лѣтъ слушанія университетскихъ лекцій было достаточно чтобы выдержать экзаменъ на кандидата съ правомъ на чинъ 12 класса. Когда же былъ сдѣланъ правительствомъ призывъ къ ополченію студентамъ Московскаго университета, Грибоѣдовъ не могъ не увлечься общимъ патріотическимъ одушевленіемъ и не вступить въ ряды ополченцевъ. Впрочемъ и тутъ сказалось вліяніе его родныхъ: не въ простое, сѣрое ополченіе поступилъ онъ, а корнетомъ въ одинъ изъ полковъ, формировавшихся въ то время аристократами, именно въ гусарскій полкъ графа Салтыкова. Это было 26-го іюля. Полкъ собирался и снаряжался крайне медленно, а за смертью Салтыкова совсѣмъ былъ распущенъ.

Но разъ роковой шагъ былъ сдѣланъ, Грибоѣдовъ не хотѣлъ уже болѣе возвращаться подъ ферулу матери и дяди, а 7-го декабря поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, стоявшій въ составѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса первоначально въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ и наконецъ Брестѣ, подъ начальствомъ А. С. Кологривова.

Послѣ каждаго излишняго стѣсненія слѣдуетъ реакція нѣкоторой необузданности. Естественно, что и у молодого семнадцатилѣтняго гусара закружилась голова, когда онъ почувствовалъ, что ни передъ кѣмъ уже не обязанъ накидывать личину степенности и основательности. Этимъ и объясняется, что, увлекшись со всѣмъ пыломъ первой юности въ гусарскіе кутежи и прочія шумныя развлеченія и излишества, Грибоѣдовъ старался превзойти товарищей въ проказахъ и шалостяхъ, подчасъ не совсѣмъ благовидныхъ, которыми отличались гусары того времени. Такъ, однажды онъ въѣхалъ верхомъ во второй этажъ дома на балъ. Другой разъ въ Брестѣ онъ взобрался на хоры католическаго костела передъ самымъ началомъ службы. Ноты передъ органомъ были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Когда потребовалась по ходу службы музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ долго и отлично. Вдругъ священные звуки смолкли и съ хоровъ раздался, къ ужасу и смущенію всѣхъ молящихся, «камаринскій».

Но этотъ кризисъ продолжался не долго. Грибоѣдовъ имѣлъ

слишкомъ даровитую и глубокую натуру, чтобы гусарскіе кутежи и шалости могли долго занимать его и составлять все содержаніе его жизни. Къ тому же судьба послала ему друга въ лицѣ адъютанта Кологривова, Степана Никитича Бѣгичева. Грибоѣдовъ нашелъ въ немъ умнаго, пріятнаго собесѣдника и руководителя, который, подчинивъ юношу своему благотворному вліянію, съумѣлъ и остепенить его, и разбудить въ немъ всѣ лучшія качества его души. По крайней мѣрѣ вотъ что самъ Грибоѣдовъ говоритъ о вліяніи своего друга въ письмѣ 18 сент. 1818 г.:

«Ты, мой другъ, поселилъ во мнѣ или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру, и съ тѣхъ поръ только я началъ дорожить честностью и всѣмъ, что̀ составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и—ей Богу!—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Грибоѣдовъ впродолженіи всей жизни питалъ къ Бѣгичеву самую нѣжную дружбу. Подъ вліяніемъ друга Грибоѣдовъ началъ глядѣть иными глазами на все его окружавшее; товарищей-собутыльниковъ, которыхъ прежде Грибоѣдовъ старался превзойти во всѣхъ ихъ излишествахъ, теперь онъ называетъ уже «казарменными готтентотами»; жизнь среди нихъ дѣлается ему невыносима. Онъ снова принимается за прерванныя литературныя занятія и впервые появляется въ печати на страницахъ «Вѣстника Европы» въ 1814 году съ двумя статьями: «О кавалерійскихъ резервахъ» и «О праздникѣ, данномъ генералу Кологривову его офицерами». Въ описаніи праздника помѣщены были и стихи патріотическаго содержанія. Пиръ, судя по описанію, былъ гомерическій и обошелся учредителямъ въ 10,000 р. ассиги.; причемъ, надо отдать справедливость великодушію разгулявшихся гусаровъ, они не забыли собрать при этомъ тысячу рублей для раздачи бѣднымъ, пострадавшимъ при пожарѣ Москвы, и деньги эти Грибоѣдовъ при своей статьѣ препроводилъ отъ лица всѣхъ товарищей въ редакцію «Вѣстника Европы».

Въ томъ-же 1814 году Грибоѣдовъ познакомился съ княземъ Александромъ Александровичемъ Шаховскимъ, который тоже служилъ въ военной службѣ. Бесѣды съ этимъ любителемъ и знатокомъ сцены вновь пробудили въ Грибоѣдовѣ страсть къ театру, и онъ рѣшился испытать свои силы на поприщѣ драматургіи, и среди немногочисленныхъ служебныхъ занятій, оставлявшихъ ему много свободнаго времени, перевелъ съ французскаго стихами небольшую

комедію Лессера—«Le secret du menage», подъ заглавіемъ «Молодые супруги». Комедія была переведена тѣми тяжелыми. шероховатыми шестистопными ямбами, какими писались у насъ трагедіи въ 18 и началѣ 19 вѣка, и которые ничѣмъ не напоминали легкаго разговорнаго стиха «Горя отъ ума». Отъ самихъ именъ дѣйствующихъ лицъ — Ариста, Эльмиры, Сафира, вѣетъ на васъ ложно-классическимъ архаизмомъ.

Какъ нельзя болѣе естественно, что послѣ совершившагося съ Грибоѣдовымъ переворота и пребываніе въ Брестѣ, и гусарское общество, и военная служба сдѣлались невыносимыми для молодого человѣка, и въ 1815 году онъ, взявъ отпускъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, а 25-го марта 1816 года и совсѣмъ вышелъ въ отставку изъ полка.

Россія въ этотъ моментъ только что успѣла опомниться отъ многолѣтнихъ войнъ и ликовала, гордясь ролью освободительницы Европы. Во всѣхъ слояхъ общества чувствовался сильный подъемъ духа, и особенно было оживлено петербургское великосвѣтское общество. Оно представляло въ это время средоточіе умственной жизни страны, и наболѣе въ этомъ отношеніи отличалась гвардейская молодежь, которая, утомясь многолѣтними тяжкими походами и въ то же время воодушевленная яркими впечатлѣніями. вынесенными изъ созерцанія западноевропейской жизни, съ усердіемъ принялась за разработку общественныхъ и литературныхъ вопросовъ, причемъ особеннымъ сочувствіемъ въ это время у военной молодежи пользовалась драматическая сцена. Многіе гвардейскіе офицеры писали и переводили для театра и принимали горячее участіе во всемъ, что совершалось какъ за кулисами театра, такъ и на сценѣ. По вечерамъ собирались пріятельскіе кружки, въ которыхъ читались произведенія лучшихъ драматурговъ, русскихъ и иностранныхъ, и велись горячіе споры о сценическомъ искусствѣ, игрѣ актеровъ и т. п. Таковъ былъ кружокъ Павла Александровича Катенина, мнѣніями котораго, какъ тонкаго и опытнаго знатока, дорожили начинающіе авторы и на перерывъ читали ему первыя свои произведенія. Другой театральный кружокъ сосредоточивался вокругъ А. А. Шаховского, покровителя сценическихъ талантовъ, обогощавшаго сцену своими переводами и передѣлками на русскіе нравы французскихъ пьесъ. Кружокъ этотъ состоялъ преимущественно изъ престарѣлыхъ классиковъ, относившихся къ молодежи свысока, съ покровительственной улыбкой. Друзья и пріятели Шаховского не чуждались закулисныхъ

интригъ и въ сужденіяхъ своихъ, особенно объ актрисахъ, не могли похвастаться безпристрастіемъ.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Грибоѣдовъ со всѣмъ пыломъ двадцатилѣтняго юноши увлекся въ вихрь свѣтской жизни и всевозможныхъ столичныхъ развлеченій. Хотя въ значительной степени обузданный Бѣгичевымъ въ Брестѣ, онъ все таки порою увлекался бѣшенымъ повѣсничествомъ вродѣ того, что однажды въ театрѣ началъ аплодировать по лысинѣ впереди сидѣвшаго сосѣда. Это повѣсничество обезпечивало его успѣхъ среди женщинъ и великосвѣтскихъ, и сценическихъ, и романическія приключенія въ это время у него не прерывались. Впрочемъ не одной репутаціи отчаяннаго шалуна и дуэлиста былъ обязанъ онъ этимъ успѣхомъ, а также и качествами, какъ внѣшними, такъ и внутренними. Пріятная, выразительная наружность соединялась въ немъ съ изяществомъ манеръ, ловкостью, умѣньемъ мастерски ѣздить верхомъ, замѣчательно мѣтко стрѣлять изъ пистолета. Свободно изъяснявшійся на четырехъ языкахъ, всесторонне образованный, Грибоѣдовъ могъ поддержать разговоръ, какихъ-бы онъ ни касался вопросовъ—научныхъ, художественныхъ, политическихъ. Мы уже имѣли случай говорить о его музыкальныхъ импровизаціяхъ, увлекавшихъ общество до самозабвенія. Любезность, остроуміе, искренность его обаятельно дѣйствовали на всѣхъ друзей и знакомыхъ. Всѣ современники отзываются о немъ не иначе, какъ съ восторгомъ. «Его нельзя было любить иначе,—свидѣтельствуетъ о немъ Булгаринъ,—какъ страстно, съ энтузіазмомъ, потому что пламенная душа его согрѣвала и воспламеняла все вокругъ себя. Съ Грибоѣдовымъ благородный человѣкъ дѣлался лучше, благороднѣе; его привязанность къ другу, вниманіе, искренность, свѣтлыя мысли, высокія чувствованія переливались въ душу и зарождали ощущеніе новой, сладостной жизни. Его голосъ, взглядъ, улыбка, пріемы имѣли какую-то необыкновенную прелесть; звукъ голоса его проникалъ въ душу, убѣжденіе лилось изъ устъ...»

Почти то-же самое говоритъ К. А. Полевой:

«Краснорѣчіе А. С. Грибоѣдова, всегда пламенное, было убѣдительно потому, что основывалось на здравомъ смыслѣ и глубокой учености. Трудно было не согласиться съ нимъ въ мнѣніи. Онъ имѣлъ особенный даръ, какъ всѣ необыкновенные люди, убѣждать и привлекать сердца. Знать его было то-же, что любить. Болѣе всего привязывало къ нему его непритворное добродушіе, которое при необыкновенномъ умѣ дѣйствовало на сердце, какъ теплота на природу...»

А вотъ что говоритъ Пушкинъ, познакомившійся съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году:

«Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно».

Грибоѣдовъ былъ привлекателенъ, не смотря даже на то, что при своемъ озлобленномъ умѣ, независимомъ, гордомъ характерѣ, доходившемъ порою до заносчивости, онъ, пренебрегая всѣми стѣснительными условіями свѣтской жизни, рѣзалъ всѣмъ въ глаза самую горькую и рѣзкую правду, не разбирая при этомъ чиновъ и положеній. Вотъ что вспоминаетъ объ этомъ А. А. Бестужевъ:

«Обладая всѣми свѣтскими выгодами, Грибоѣдовъ не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества. Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому уже, что онѣ—узы. Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать—никогда. Твердость, съ которою онъ обличалъ порочныя привычки, не смотря на знатность особы, показалась-бы инымъ катоновскою суровостью, даже дерзостью; но такъ какъ видно было при этомъ, что онъ хотѣлъ только извинить, а не уколоть, то правоученіе его, если не производило исправленія, по крайней мѣрѣ не возбуждало и гнѣва».

Но не для однихъ только свѣтскихъ развлеченій пріѣхалъ Грибоѣдовъ въ Петербургъ. Его влекла къ себѣ литература, и онъ не замедлилъ завести нѣсколько литературныхъ знакомствъ. Такъ, сверхъ А. А. Шаховского онъ сблизился съ Катенинымъ, Булгаринымъ и Гречемъ (послѣдніе въ то время пользовались еще порядочной репутаціей въ литературныхъ кружкахъ, и дружба съ ними не могла казаться столь предосудительной, какъ впослѣдствіи). На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Петербургѣ Грибоѣдовъ познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ Хмѣльницкимъ и Андреемъ Андреевичемъ Жандромъ, съ которымъ оставался связаннымъ узами дружбы до самой кончины. Нѣсколько позже, въ 1817 году, Грибоѣдовъ познакомился съ В. К. Кюхельбекеромъ и Пушкинымъ. Кюхельбекеръ (особенно впослѣдствіи, на Кавказѣ) горячо полюбилъ Грибоѣдова и благоговѣлъ передъ нимъ Пушкинъ, какъ мы видѣли,

по достоинству оцѣнилъ его; тѣмъ не менѣе, встрѣчаясь въ обществѣ, они размѣнивались шутками, остротами, но не сходились коротко, и причина этого лежала по всей вѣроятности въ томъ, что они смотрѣли другъ на друга, какъ на людей разныхъ лагерей.

Грибоѣдовъ стоялъ въ сторонѣ отъ того литературнаго теченія, которое преемственно привело отъ сентиментализма Карамзина къ романтическому піэтизму Жуковскаго и реализму Пушкина. Воспитавшись въ духѣ ложнаго классицизма и сблизившись съ такими приверженцами классицизма, какъ Шаховской и Катенинъ, Грибоѣдовъ въ первые годы своей литературной дѣятельности заявилъ себя въ оппозиціи и противъ сентиментализма Карамзина, и противъ романтизма Жуковскаго, чѣмъ конечно и объясняется холодность, съ какою отнеслись къ нему Пушкинъ и весь его кружокъ.

Привезя съ собой изъ Бреста комедію «Молодые супруги», Грибоѣдовъ поставилъ ее на сцену 29-го сентября 1815 года въ бенефисъ Семеновой младшей. Комедія была разыграна удачно, и, ободренный успѣхомъ, Грибоѣдовъ въ сотрудничествѣ съ Шаховскимъ, Хмѣльницкимъ и Жандромъ перевелъ комедію Барта — «Притворная невѣрность», поставленную на сцену въ февралѣ 1817 г.; 24-го же января 1818 г., въ бенефисъ г-жи Вальберховой, была поставлена комедія «Своя семья», въ которой пять сценъ второго дѣйствія принадлежали Грибоѣдову.

Одновременно съ этой сценической дѣятельностью Грибоѣдовъ увлекся той задорной полемикой, какая существовала въ журналистикѣ того времени, опредѣляясь не столько какими-либо принципами, сколько кружковой враждою и игрой личныхъ самолюбій. Такъ, другъ Грибоѣдова Катенинъ, не смотря на свою приверженность къ классицизму, перевелъ романтическую балладу Бюргера «Ленора», передѣлавъ ее на русскіе нравы: героиню назвалъ Ольгою; мѣсто дѣйствія изъ Богеміи перенесъ подъ Полтаву, преобразивъ эпоху Семилѣтней войны въ 1709 годъ. Тяжелые стихи Катенина не понравились Н. И. Гнѣдичу, и онъ, подъ псевдонимомъ «Жителя Тентелевой деревни», отозвался въ № 24 «Сына Отечества» 1816 г. о переводѣ Катенина неблагосклонно. Грибоѣдовъ вступился за друга, и такова была наивность того времени, что въ томъ-же «Сынѣ Отечества» въ № 30 разразился рѣзкою антикритикой, представляющей остроумную пародію на критику, основанную на однѣхъ придиркахъ къ мелочамъ, которая господствовала въ то время въ нашей литературѣ.

Въ слѣдующемъ году Н. Задумчивъ, разбирая въ № 15 «Сѣ-

Лен. Гос. НАУЧНАЯ ... им. Горького

вернаго Наблюдателя» за 1817 г. представленіе комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги», указалъ на нѣсколько плохихъ стиховъ и замѣтилъ о нихъ словами «Мизантропа»:

«Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи!»

Грибоѣдова задѣла за живое критика Загоскина, котораго онъ очень не долюбливалъ, и онъ отвѣчалъ ядовитой сатирой подъ заглавіемъ «Лубочный театръ».

При всемъ желаніи автора стихи эти не были въ свое время напечатаны, но Грибоѣдовъ распространилъ ихъ самъ во множествѣ списковъ. Возбужденные задоромъ всей этой полемики Грибоѣдовъ и Катенинъ написали совмѣстно комедію «Студентъ», въ которой полемика перешла уже на чисто принципіальную почву. Пьеса эта, въ лицѣ студента Беневольскаго, личности крайне комической, осмѣиваетъ сентиментализмъ, который господствовалъ въ то время среди молодежи подъ вліяніемъ повѣстей Карамзина и стихотвореній Жуковскаго. Беневольскій, самой своей фамиліей напоминающій Загоскина, подписывавшагося въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» *Ювеналомъ Беневольскимъ*, разражается тирадами, почти цѣликомъ взятыми изъ Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова. Комедія эта вслѣдствіе прозрачныхъ намековъ на личности не могла явиться ни въ печати, ни на сценѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ рукописи она была предъявлена врагамъ, противъ которыхъ предназначалась, т. е. членамъ Арзамаса, и понятно, что обстоятельство это еще болѣе отдалило Грибоѣдова отъ Пушкина и его друзей.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы Грибоѣдовъ, примкнувъ къ ложно-классическому лагерю, былъ съ головы до ногъ ложноклассикомъ и питалъ къ романтизму слѣпую и ожесточенную ненависть. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ геніальнымъ умамъ, которые идутъ своей самостоятельной дорогой и чужды бываютъ какихъ бы то ни было односторонникъ увлеченій, существующихъ въ ихъ время. Относясь критически ко всѣмъ ученіямъ и лагерямъ, они изъ каждаго заимствуютъ только то, что находятъ въ данномъ ученіи наиболѣе раціональнаго и живого, но этотъ выборъ дѣлаетъ ихъ не эклектиками, а скорѣе синтетиками. Такъ, въ то время, какъ Грибоѣдову претила въ романтикахъ Арзамаса ихъ риторная сентиментальность, онъ и къ своимъ партизанамъ ложноклассикамъ относился столь-же полемически, и Р. Зотовъ конечно имѣлъ основаніе въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ замѣтить, что «Катенинъ былъ всегда противникомъ въ спорахъ Грибоѣдова,

который держался романтизма, а Катенинъ былъ страстный фанатикъ французскаго классицизма».

Итакъ, тотъ-же Грибоѣдовъ, который разыгрывалъ роль классика въ глазахъ членовъ Арзамаса, напротивъ того казался романтикомъ своимъ друзьямъ-классикамъ. Но романтизмъ Грибоѣдова имѣлъ совершенно особенный характеръ. Это былъ отнюдь не тотъ заимствованный изъ Германіи и Англіи романтизмъ, которымъ пробавлялись наши молодые романтики и который этой своей подражательностью стоялъ въ логическомъ противорѣчіи съ сущностью романтическаго движенія въ Европѣ, такъ какъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ романтизмъ представлялъ собою не какое-либо новое заимствованіе, а напротивъ того возвращеніе къ народной самобытности. Грибоѣдовъ такъ именно и понималъ романтизмъ въ его философской сущности.

Этимъ своимъ пониманіемъ романтизма въ видѣ стремленія къ народной самобытности онъ былъ обязанъ конечно особенному кружку людей, задававшихся уже въ то время мыслями о несовершенствахъ общественной жизни и о необходимости серьезныхъ преобразованій. Желая заплатить дань всѣмъ вѣяніямъ своего времени, Грибоѣдовъ не могъ ограничиться одними чисто литературными интересами, и въ 1816 году имя его значится въ спискѣ масонской ложи «Des amis réunis», рядомъ съ именами Чаадаева, Норова, Нестеля. Въ то же время сблизился онъ съ АлександромъОдоевскимъ, который, охраняя его отъ всякихъ уклоненій въ сторону, замѣнялъ ему Бѣгичева въ качествѣ укротителя его страстныхъ порывовъ.

Вотъ подъ вліяніемъ этихъ-то людей онъ и проникся романтизмомъ народной самобытности, въ видѣ страсти къ изученію отечественной исторіи, народной поэзіи и русской старины, и оппозиціи противъ слѣпой подражательности западно-европейскимъ образцамъ, въ какой коснѣло наше общество со временъ Петра. Въ извѣстномъ монологѣ Чацкаго на балѣ Фамусова рельефно выказывается это настроеніе Грибоѣдова въ страстномъ желаніи

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья:
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душой,
Кто бъ могъ-бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой толпоты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ

*

Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу.

Ѳ. Булгаринъ въ статьѣ «Литературные призраки», напечатанной имъ въ «Литературныхъ листкахъ» 1824 г. (ч. III, авг. № XVI), выставилъ между прочимъ подъ псевдонимомъ Талантина Грибоѣдова и заставилъ его порицать одного изъ тѣхъ невѣжественныхъ поэтовъ, которые воображали, что для нихъ нѣтъ ни малѣйшей надобности ни въ какихъ наукахъ, а достаточно одного природнаго таланта. Доказывая такому поэту необходимость образованія и ученья, чтобъ достигнуть чего-либо въ искусствѣ, Талантинъ между прочимъ предлагаетъ ему цѣлую программу научныхъ занятій,— и есть основаніе думать, что Булгаринъ изложилъ эту программу со словъ самого Грибоѣдова. Не даромъ послѣдній такъ разсердился на Булгарина за аматорское разоблаченіе интимныхъ бесѣдъ, равно какъ за подобострастную лесть Булгарина, которую не терпѣлъ Грибоѣдовъ, что разразился полнымъ негодованія письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ, тонъ и содержаніе этого письма покажутся вамъ странны, что-же дѣлать?! Вы сами тому причиной. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ принялъ твердое намѣреніе — объявить вамъ истину. il vaut mieux tard, que jamais. Признаюсь, мнѣ самому жаль, потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почитаю искреннимъ. Но, не смотря на все это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ именемъ Талантина, хвалили печатно и конечно не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ, ничего не произвелъ истинно изящнаго. Не думайте, чтобы какая нибудь внѣшность, мнѣніе другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно-бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что

ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой нибудь низости, не выклапиваю-ли я еще горсточку ладона!

«Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся, то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что, поступая, какъ я теперь, не съ горяча и по весьма долгомъ размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно и васъ чувство благородной гордости не допуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе... а можетъ быть и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностью. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибоѣдовъ.»

При всей рѣшительности тона этого письма, размолвка Грибоѣдова съ Булгаринымъ была непродолжительна и отъ нея въ скоромъ времени не осталось и слѣда. Во всякомъ случаѣ считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ программу Талантина, въ которой безъ сомнѣнія скрывается планъ научныхъ занятій самого Грибоѣдова:

«Чтобы совершенно постигнуть духъ русскаго языка, надобно читать священныя и духовныя книги, древнія лѣтописи, собирать народныя пѣсни и поговорки, знать нѣсколько соплеменныхъ славянскихъ нарѣчій, прочесть нѣсколько славянскихъ, русскихъ, богемскихъ и польскихъ грамматикъ и разсмотрѣть столько же словарей; знать совершенно исторію и географію своего отечества. Это *первое и необходимое условіе*. Послѣ того для роскоши и богатства совѣтую прочесть Тацита, Оукидида, если возможно Робертсона, Юма, Гиббона и Миллера. Не худо также познакомиться съ новыми путешественниками по Индіи, Персіи, Бразиліи, сѣверной Америкѣ и островамъ Южнаго океана. Это освѣжитъ ваше воображеніе и породитъ новыя идеи о природѣ и человѣкѣ. Весьма не худо бы прочесть первоклассныхъ отечественныхъ и иностранныхъ поэтовъ, съ критическими разборами, и по крайней мѣрѣ изъ древнихъ—Гомера, Виргилія, Горація, Гезіода и древнихъ трагиковъ. Не говорю о восточныхъ языкахъ, которыхъ изученіе чрезвычайно трудно и средствъ весьма немного. Но все не худо ознакомиться нѣсколько съ «Восточными рудниками» Гаммера («Fundgruben des Orient's»), или перевернуть нѣсколько листовъ въ Гербелотѣ, въ хрестоматіи Сильвестра-де-Саси, въ «Азіатическихъ изысканіяхъ калькуттскаго ученаго общества» («Asiatic Researches»)

и въ «Назидательныхъ письмахъ о Китаѣ» («Lettres édifiantes etc.»). Востокъ, неисчерпаемый для освѣщенія піитическаго воображенія, тѣмъ занимательнѣе для русскихъ, что мы имѣли съ древнихъ временъ сношенія съ жителями опаго. Совѣтую вамъ иногда заглядывать въ сочиненія, и особенно въ журналы по части физическихъ наукъ, чтобъ не повторять разсказовъ нянюшекъ о естественныхъ явленіяхъ въ природѣ и не принимать летучаго огня за привидѣніе».

Конечно, во исполненіе этой программы, Грибоѣдовъ среди литературныхъ занятій и свѣтскихъ развлеченій находилъ время заниматься греческимъ языкомъ, какъ онъ объ этомъ пишетъ въ письмѣ къ Катенину отъ 19 окт. 1817 г.: «Прощай, сейчасъ иду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я отъ этого языка съума схожу, каждый божій день съ 12-ти до 4-хъ часовъ учусь, и уже дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ онъ не труденъ».

Но стремленіе Грибоѣдова къ самобытности отнюдь не имѣло славянофильскаго характера. Ратуя противъ поверхностной и слѣпой подражательности, онъ въ то же время сочувствовалъ всѣмъ новымъ идеямъ и формамъ жизни, которыя въ то время составляли послѣднія слова европейской цивилизаціи, и лишь требовалъ раціонально-критическаго, самостоятельнаго отношенія къ нимъ. Въ то же время чуждъ былъ Грибоѣдовъ и ходульнаго квасного патріотизма, о чемъ можетъ свидѣтельствовать планъ драмы изъ 1812 года, уцѣлѣвшій въ его бумагахъ.

Такъ, въ драмѣ въ то время, какъ народъ и между прочимъ герой пьесы М*, ополченецъ изъ крѣпостныхъ, грудью встаютъ за отечество въ ряды всеобщаго ополченія безъ дворянъ, о послѣднихъ говорится:

Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье..

Наполеонъ въ Кремлѣ размышляетъ «о юномъ первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, знаній, вѣры, нравовъ: *самъ себѣ преданный, что-бы онъ могъ произвести?*»

Въ эпилогѣ герой М., несмотря на всѣ свои бранные подвиги,

терпитъ пренебреженіе начальниковъ; отпускается во свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Въ послѣдней картинѣ эпилога должны были изображаться село или развалины Москвы. «Прежнія мерзости. М. возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе и самоубійство».

Въ то же время патріотизмъ Грибоѣдова имѣлъ чисто народническій характеръ негодованія и сѣтованія на то раздвоеніе, какое замѣчалось между интеллигенціей и низшимъ классомъ и дѣлало ихъ словно двумя различными народностями.

Такъ, гуляя однажды съ пріятелями въ Парголовѣ въ Шуваловскомъ паркѣ, онъ набрелъ на толпу крестьянскихъ дѣвушекъ и парней, распѣвавшихъ народныя пѣсни... «Прислонясь къ дереву,— разсказываетъ онъ въ отрывкѣ оставшагося въ бумагахъ его чернового письма, неизвѣстно кому:—я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно перевелъ свои глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что они слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами и на вѣки! Если бы какимъ нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами».

А вотъ что свидѣтельствуетъ Булгаринъ по поводу народолюбія Грибоѣдова:

«А. С. Грибоѣдовъ любилъ простой народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, неиспорченныхъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Любилъ онъ ходить и въ церковь». «Любезный другъ!—говорилъ онъ:—только въ храмахъ божіихъ собираются русскіе люди; думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви я—въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимірѣ, Димитріѣ Донскомъ, Мономахѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе одушевляло набожныя души. Мы—русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ».

Все это показываетъ намъ, какъ серьезно были настроены мысли Грибоѣдова среди свѣтскихъ дурачествъ, закулисныхъ приключеній и вздорной кружковой полемики. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ настроеніи, не довольствуясь переводными комедіями, онъ снова принялся за обработку своего кровнаго труда—той комедіи, которая его обезсмертила. Въ 1816 году, по свидѣтельству Бѣгичева, у него было уже набросано нѣсколько сценъ «Горя отъ ума», которыя онъ показывалъ друзьямъ. Отъ этихъ набросковъ ничего не сохранилось. Въ общихъ чертахъ планъ пьесы былъ сходенъ съ планами ея позднѣйшей редакціи, но роль Чацкаго была еще далеко не выяснена. Репетилова не было въ числѣ дѣйствующихъ лицъ: взамѣнъ чего было нѣсколько лишнихъ лицъ (напр., жена Фамусова, сентиментальная модница и аристократка), которыя впослѣдствіи были исключены изъ комедіи.

Въ бумагахъ Грибоѣдова найденъ былъ черновой набросокъ, въ которомъ онъ пишетъ: «первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно развилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было... Такова судьба всякаго, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подверглись той-же участи;—такъ мнѣли роптать?»

Подразумѣвалъ-ли Грибоѣдовъ подъ «первымъ начертаніемъ» своей сценической поэмы именно работу надъ ней 1816 года,—объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

III.

Участіе въ дуэли Шереметева съ гр. Завадовскимъ.—Опредѣленіе переводчикомъ въ персидскую миссію.—Путешествіе изъ Петербурга въ Тифлисъ.—Дуэль съ Якубовичемъ.—Путешествіе изъ Тифлиса въ Тегеранъ и далѣе въ Тавризъ.—Служебная дѣятельность Грибоѣдова.—Жизнь въ Тавризѣ.—Новый приступъ къ комедіи «Горе отъ ума».

Но не болѣе трѣхъ лѣтъ пришлось Грибоѣдову пользоваться независимою, привольною и вмѣстѣ съ тѣмъ полною захватывающихъ умственныхъ интересовъ жизнью въ Петербургѣ. Родные не могли оставить его въ покоѣ, особенно, когда до нихъ начали доходить слухи

о его свѣтскихъ и закулисныхъ похожденіяхъ. Не иначе, какъ по ихъ настоянію, пришлось ему, едва получивъ отставку отъ военной службы, перейти на штатскую, а 9-го іюня 1817 г. онъ былъ опредѣленъ въ вѣдомство Коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. А затѣмъ въ концѣ того-же года ему пришлось принять участіе въ дуэли, которая сильно повредила ему въ его общественномъ положеніи и повліяла на его удаленіе изъ Петербурга.

Грибоѣдовъ жилъ на одной квартирѣ съ своимъ близкимъ пріятелемъ, товарищемъ С. Н. Бѣгичева, графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ. Графъ ухаживалъ тогда за знаменитой танцовщицей Истоминой, но счастливымъ обожателемъ ея былъ молодой кавалергардъ Василій Александровичъ Шереметевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховского, бывалъ у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ послѣ спектакля пить чай. Истомина согласилась: но, опасаясь возбудить подозрѣніе въ ревнивомъ Шереметевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ санями у Гостинаго двора, къ которому обѣщала подъѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено по ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметевъ однако слѣдилъ за ними и видѣлъ, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго, и этого было довольно. Пріятель Шереметева— уланскій штабъ-ротмистръ Александръ Ивановичъ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театралъ, шалунъ и забіяка, посовѣтовалъ ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщая въ свою очередь стрѣляться съ Завадовскимъ. Шереметевъ такъ и сдѣлалъ, но Грибоѣдовъ на вызовъ его отвѣчалъ:

— Нѣтъ, братецъ, я съ тобой стрѣляться не буду, потому что право не за что, а вотъ если угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), то я къ его услугамъ.

Тогда Шереметевъ вызвалъ Завадовскаго. Дуэль состоялась при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Противники должны были сходиться на шесть шаговъ, при барьерѣ въ восемнадцать. Секундантами были — бывшій воспитатель Грибоѣдова Іонъ и гусаръ Каверинъ, извѣстный кутила, упоминаемый Пушкинымъ въ его «Онѣгинѣ». Первая очередь была предоставлена Завадовскому и Шереметеву. Оба они отлично стрѣляли, но Шереметевъ выстрѣлилъ, не давъ противнику дойти до барьера. Пуля оторвала край воротника у сюртука Завадовскаго.

— А!—произнесъ графъ:—такъ онъ хотѣлъ убить меня... Къ барьеру!..

Секунданты, предвидя кровавую развязку, стали уговаривать графа пощадить жизнь противника.

Завадовскій готовъ былъ уступить ихъ просьбамъ, намѣреваясь только слегка ранить Шереметева, но послѣдній, забывъ всѣ условныя приличія дуэли, крикнулъ, что Завадовскій долженъ его убить, если самъ рано или поздно не хочетъ быть имъ убитымъ. Графъ выстрѣлилъ: Шереметевъ упалъ; пуля прошла ему черезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Якубовичъ не могъ тогда же стрѣляться съ Грибоѣдовымъ въ виду обязанности отвезти раненаго домой, и вторая часть parti carré была отложена.

Послѣ трехдневныхъ страданій Шереметевъ умеръ. Отецъ его просилъ императора Александра Павловича не подвергать участниковъ дуэли взысканію. Государь принялъ во вниманіе его просьбу, и виновные подверглись лишь легкому наказанію: графъ Завадовскій былъ высланъ за-границу; Якубовичъ изъ лейбъ-улановъ переведенъ на Кавказъ въ драгунскій полкъ; Грибоѣдовъ не подвергся даже выговору. Но ему не легко было примириться съ собственною совѣстью, долгое время не дававшею ему покоя. Онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что на него напала ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собою смертельно-раненаго Шереметева; что наконецъ пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо.

Тѣмъ не менѣе, когда знакомый съ Грибоѣдовымъ Мазаровичъ, повѣренный Россіи въ дѣлахъ Персіи, предложилъ Грибоѣдову ѣхать съ собою въ качествѣ секретаря посольства, Грибоѣдовъ долго отказывался отъ этого назначенія. «Представь себѣ,—пишетъ онъ Бѣгичеву 15 апр. 1818 г.:—что меня непремѣнно хотятъ послать, куда-бы ты думалъ? — въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничто не помогаетъ: однако я третьяго дня, по приглашенію нашего министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, и я представилъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными азіатцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь вправѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными жен-

щипами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ; не смѣйся: я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего-же имъ еще надобно? Словомъ, невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія.

— «Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.

— «Нисколько, В. С. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели: ихъ нѣтъ въ Персіи...

«Мы еще съ нимъ кое о чемъ поговорили: всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его расположеніе.

«При лицѣ шаха всего только будутъ два чиновника: Мазаровичъ, любезное созданіе, уменъ и веселъ, а другой—я, либо NN. Обѣщаютъ тьму выгодъ, поощреній, знаковъ отличія по прибытіи на мѣсто, да вѣдь дипломаты на посулѣ, какъ на стулѣ. Кажется однако, что не согласятся на мои требованія. Какъ хотятъ, а я рѣшился быть коллежскимъ ассессоромъ или ничѣмъ»...

Но въ концѣ переговоровъ Грибоѣдовъ помирился очевидно на чинѣ титулярнаго совѣтника, который и получилъ 17-го іюня 1818 года, на другой же день послѣ состоявшагося опредѣленія его секретаремъ при Мазаровичѣ.

Въ концѣ августа онъ выѣхалъ изъ Петербурга и 30-го августа писалъ Бѣгичеву уже изъ Новгорода письмо, показывающее, какъ тяжело ему было разстаться съ Петербургомъ:

«Грусть моя не проходитъ,—пишетъ онъ,—не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь, какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было. всего жаль. — Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и въ умъ не входитъ, похоже-ли это на меня?...»

Сентября 3-го Грибоѣдовъ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ, предполагая пробыть не болѣе трехъ дней, оставался дней десять. Здѣсь онъ очевидно помирился съ родными, судя по слѣдующимъ строкамъ письма къ Бѣгичеву отъ 18 сент. изъ Воронежа:

«Тамъ я долженъ былъ повторить ту же плачевную, прощальную сцену, которую съ тобой имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я-бы былъ извергомъ, если-бы не платилъ имъ такою-же любовью: опѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ

только сыномъ и братомъ по названію: возратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ».

Но въ общемъ Москва оставила на Грибоѣдовѣ мрачное впечатлѣніе: «Въ Москвѣ,—пишетъ онъ далѣе въ томъ-же письмѣ:—все не помнѣ: праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ къ чему то годенъ. опредѣленъ въ миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ»...

Далѣе путешествіе шло съ той медленностью, съ какой оно въ то время совершалось, благодаря отсутствію желѣзныхъ дорогъ. Такъ, въ Тулѣ Грибоѣдовъ пробылъ цѣлый день за недостаткомъ въ лошадяхъ и тѣмъ только разогналъ скуку, что «нашелъ въ трактирѣ на стѣнахъ тьму глупыхъ стиховъ и прозы, цѣлое годовое изданіе покойника «Музеума». «Вообще,—пишетъ онъ Бѣгичеву:—вездѣ на станціяхъ остановки; къ счастію, что мой товарищъ (канцелярскій служитель при миссіи актуаріусъ Амбургеръ)—особа прегорячая, бичъ на смотрителей, хорошій малый: я уже увѣрилъ его, что быть нѣмцемъ очень глупая роль на семъ свѣтѣ, и онъ уже подписывается Амбурговъ, а не—ръ и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ наповалъ, а мнѣ это съ руки. Одинъ томъ Петровыхъ акцій (т. е. Исторіи Петра I) у меня въ бричкѣ, и я за то на него и на его колбасниковъ сержусь».

Въ октябрѣ Грибоѣдовъ былъ уже въ Тифлисѣ и тотчасъ же, еще на ступеняхъ гостинницы, былъ вызванъ на дуэль Якубовичемъ. Они стрѣлялись. Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ, и это увѣчье черезъ одинадцать лѣтъ помогло узнать трупъ Грибоѣдова въ грудѣ прочихъ, изрубленныхъ тегеранской чернью. Ермоловъ, бывшій тогда на вершинѣ своего могущества. нѣсколько времени сердился на Якубовича и на Грибоѣдова; потомъ смѣнилъ гнѣвъ на ласку и, прощаясь съ Грибоѣдовымъ, назвалъ его «повѣсою, но со всѣмъ тѣмъ прекраснымъ человѣкомъ».

Проведя въ Тифлисѣ около четырехъ мѣсяцевъ разсѣянной и

веселой жизни, въ концѣ января 1819 года Грибоѣдовъ отправился вмѣстѣ съ миссіей далѣе въ путь, на мѣсто своей службы, въ Персію, въ Тегеранъ. «28-го,—пишетъ онъ Бѣгичеву въ пути,—послѣ пріятельскаго завтрака мы оставили Тифлисъ; я вездѣ нахожу пріятелей или воображаю себѣ это; дѣло въ томъ, что многіе насъ провожали, въ томъ числѣ Я*** (Якубовичъ?), и жалѣли кажется о моемъ отъѣздѣ».

Не смотря на горячее южное солнце, въ Закавказьи и Персіи въ то время стояла студеная зима; все было покрыто снѣгомъ, и Грибоѣдову пришлось выдержать долгій и скучный путь, сопряженный съ немалыми опасностями. Особенно труденъ былъ первый день путешествія во время перехода въ 40 верстъ. «Я по утру,—пишетъ Грибоѣдовъ.—обскакалъ весь городъ, прощальные визиты и весь поpегонъ сдѣлалъ на дурномъ грузинскомъ сѣдлѣ и къ вечеру уморился; не доходя до ночлега, отставъ отъ всѣхъ, нѣсколько разъ сходилъ съ лошади и падалъ въ снѣгъ, ѣдя его; къ счастью у конвойнаго казака нашлась граната, я ею освѣжился».

Вотъ какъ описываетъ онъ свое дальнѣйшее странствіе:

«Хочешь-ли знать, какъ и съ кѣмъ я странствую то по каменистымъ кручамъ, то по пушистому снѣгу? Не жалѣй меня однако: мнѣ хорошо, могло-бы быть скучнѣе. Насъ человѣкъ 25, лошадей со вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранимъ утромъ подымаемся; шествіе наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, какъ знаю, французскіе куплеты и наши плясовыя пѣсни, всѣ мнѣ вторятъ, и даже азіатскіе толмачи; доѣдешь до сухого мѣста, до пригорка, оттуда видъ отмѣнный, отдыхаемъ, ѣдимъ закуску, мимо насъ тянутся наши вьюки съ позвонками. Потомъ опять въ путь. Народъ веселый; при насъ борзыя собаки; пустимся за зайцемъ или за призракомъ зайца, потому что я ни одного еще не видалъ. Этимъ случаемъ наши татары пользуются, чтобы выказывать свое искусство,—свернутъ въ бокъ, по полянамъ несутся во всю прыть, по рвамъ, кустамъ, доскакиваютъ до горы, стрѣляютъ въ верхъ и исчезаютъ въ туманѣ, какъ царевичъ въ 1001-й ночи, когда онъ невѣсту кашемирскаго султана взмахнулъ себѣ на коня и такъ взвился къ облакамъ. А я, думаешь, назади остаюсь? Нѣтъ, это не въ Брестѣ, гдѣ я былъ въ «кавалерійскомъ»,—здѣсь скачу сломя голову: вчера купилъ себѣ новаго жеребца; я такъ свыкся съ лошадью. что по скользкому спуску. по гололедицѣ, беззаботно курю изъ длинной трубки. Таковъ я во всемъ: въ Петербургѣ, гдѣ всякій

приглашалъ, поощрялъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по русски, я не выпускаю пера изъ рукъ...»

«Ночлегъ здѣсь обыкновенно въ хатѣ, довольно высоко освѣщенной маленькимъ отверстіемъ надъ входомъ, противъ котораго въ задней стѣнѣ каминъ; по обѣимъ сторонамъ сплочены доски на полъ-аршина отъ земли и устланы коврами; около нихъ стойла, ничѣмъ не заслоненныя, не заставленныя. Между этими нарами у насъ обыкновенно ставится круглый столъ дорожный; поваръ нашъ славный, кормитъ хорошо. Мазаровичъ покуда очень милъ, много о насъ заботится; и уважителенъ, и веселъ.»

Пробывши нѣсколько дней въ Эриванѣ, 7-го февраля миссія двинулась далѣе и 9-го февраля была уже въ Нахичеванѣ. «Не усталость меня губитъ,—пишетъ Грибоѣдовъ изъ этого города,—свирѣпость зимы нестерпимая; никто здѣсь не запомнитъ такой стужи, всѣ южныя растенія померзли. Притомъ какъ надоѣли всѣ и все!..»

«День нашего отъѣзда изъ Эривани былъ пасмурный и непастный. Щедро обсыпанный снѣгомъ, я укутался буркою, обвертѣлъ себѣ лицо башлыкомъ, пустилъ коня на удачу и не принималъ участія ни въ чемъ, что вокругъ меня происходило. Потеря небольшая; сторона, благословенная лѣтомъ въ разсказахъ и въ описаніяхъ, въ это время и въ эту погоду ничего не представляетъ изящнаго. Араратъ по здѣшней дорогѣ пять дней сряду въ виду у путешественниковъ, но теперь скрылся отъ насъ за снѣгомъ, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не смѣть раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы хуже скуки, не подвергнуться простудѣ. И между ногъ безпрестанное движеніе животнаго, которое не даетъ ни о чемъ постоянно задуматься! Часто мы скользимъ по оледенѣлымъ протокамъ; иные живѣе прочихъ; не замерзшіе проѣзжали въ бродъ. Ихъ множество орошаетъ здѣшнія поля; вода нарочно проведена изъ горныхъ источниковъ и весною, усыряя пшеничныя борозды, долго на нихъ держится посредствомъ ископанныхъ для этого грядъ, съ которыхъ мы каждый разъ обрывались и вязнули въ зыбучихъ глубяхъ.»

«Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ далѣе; но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда-

бы я не разсгался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года. Съ такимъ роптомъ я добрался до Девала, большого татарскаго селенія, въ $8^1/_4$ агача отъ Эривани, бросился къ камельку, не раздѣваясь, не пилъ, не ѣлъ и спалъ, какъ убитый!»

Лишь 8-го марта прибылъ наконецъ Грибоѣдовъ въ Тегеранъ, а черезъ три мѣсяца переселился въ Тавризъ, и со свойственной ему энергіей и жаждою полезной дѣятельности принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Коварная политика, которой Персія продолжала держаться по отношенію къ Россіи, и покровительство, оказываемое ею враждебнымъ намъ бѣглымъ ханамъ Дагестана и нашихъ закавказскихъ владѣній, въ связи съ нескончаемыми заботами по разнымъ вопросамъ, остававшимся нерѣшенными со времени заключенія Гюлистанскаго трактата, ставили миссію нашу въ положеніе далеко незавидное. Дѣла было много, и все время у Грибоѣдова было поглощено имъ. Къ тому же, вслѣдствіе частаго отсутствія Мазаровича изъ Тавриза, всѣ дѣла миссіи сосредоточивались въ его рукахъ, и онъ, по собственной инициативѣ, съ энергіей горячаго патріота отстаивалъ интересы Россіи. Такъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на освобожденіе русскихъ плѣнныхъ и переселеніе ихъ въ Россію вмѣстѣ съ бѣглецами, проживавшими въ Персіи со времени кампаніи 1803 года. Въ человѣколюбивомъ намѣреніи своемъ онъ не замедлилъ встрѣтить массу препятствій, которыя ему удалось преодолѣть съ неимовѣрными усиліями. Вѣроломная персидская политика не стѣснялась никакими средствами, чтобы удержать плѣнныхъ. По приказанію сына Фетхъ-Али-шаха, Наибъ-Султана, для возмущенія народа противъ русской миссіи пущены были въ ходъ подметныя письма. Плѣнныхъ, изъявившихъ согласіе возвратиться въ Россію, подвергали истязаніямъ; подкупали, чтобы они оставались въ Персіи; запугивали ихъ разсказами о наказаніяхъ, ожидающихъ ихъ будто бы на родинѣ, и т. п.

Такимъ образомъ уже тогда надъ головою Грибоѣдова висѣла та самая опасность, какая разразилась надъ нимъ впослѣдствіи, и онъ конечно сознавалъ эту опасность, когда пророчески писалъ въ своемъ дневникѣ 24-го августа 1819 г.: «голову мою положу за соотечественниковъ». Онъ продолжалъ настаивать на своемъ намѣреніи и наконецъ преодолѣлъ всѣ затрудненія. Ему поручено было проводить отрядъ русскихъ плѣнныхъ въ россійскіе предѣлы, причемъ Грибоѣдовъ въ этомъ трудномъ походѣ не разъ подвергался опасности лишиться жизни отъ озлобленныхъ персіянъ, возбужден-

ныхъ подметными письмами Наибъ-Султана. Но втеченіи двухъ лѣтъ ненависть персидскаго правительства затихла, и Грибоѣдову удалось даже пріобрѣсти расположеніе къ себѣ Наибъ-Султана, который упросилъ своего отца пожаловать Грибоѣдову персидскій орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Ровно три года провелъ Грибоѣдовъ въ Персіи. Усвоивши сверхъ персидскаго языка еще и арабскій въ такомъ совершенствѣ, что могъ читать поэтовъ на обоихъ этихъ языкахъ, Грибоѣдовъ тѣмъ легче могъ ознакомиться съ нравами и обычаями персіанъ, изучилъ и характеръ этого народа, жестокаго, коварнаго и вѣроломнаго.

Характеръ самого Грибоѣдова окончательно сложился въ эти три года: по прежнему добродушный, но нервный, раздражительный, онъ утратилъ юношескую веселость и беззаботность. Образъ жизни его былъ скроменъ и воздержанъ: онъ сдерживалъ свои страсти и единственной его слабостью была только любовь къ лакомствамъ, на которыя такъ изобрѣтателенъ Востокъ. Въ томъ убѣжденіи, что званіе секретаря посольства обязывало его къ нѣкоторому представительству при дворѣ шаха, при которомъ пышность служитъ мѣриломъ знатности, Грибоѣдовъ держалъ многочисленную прислугу. Обхожденіе его съ нею было вообще ласковое, снисходительное. Изъ всей прислуги особеннымъ расположеніемъ Грибоѣдова пользовался молочный братъ его Александръ Грибовъ, всею душею ему преданный и никогда его не покидавшій.

Но эта вынужденная роскошь была обременительна для Грибоѣдова, какъ и для прочихъ членовъ миссіи, такъ какъ денежныя обстоятельства его во все это время были весьма не блестящи и ограничивались однимъ жалованьемъ по должности. Изъ дома если онъ и получалъ какую помощь, то самую ничтожную, принимая въ соображеніе разстроенное состояніе его родныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ конецъ пребыванія въ Тавризѣ Грибоѣдовъ успѣлъ задолжать 600 червонцевъ, о чемъ и сообщилъ Мазаровичъ Ермолову 15-го декабря 1820 г.

«Позвольте мнѣ, генералъ, почтительнѣйше васъ просить объ одной милости въ отношеніи обоихъ моихъ чиновниковъ: Грибоѣдова и Амбургера. Положеніе ихъ дѣйствительно жестокое. Они задолжали около 600 червонцевъ, и я не могу сказать, чтобы бросали деньги зря. Не получая никакой награды, они имѣютъ основаніе страшиться того же исхода, какой постигъ и меня. Не поможете-ли вы, уважаемый генералъ, оказать имъ помощь? Я былъ бы вамъ много признателенъ. Соблаговолите написать къ нимъ отъ себя нѣсколько

словъ въ утѣшеніе при настоящемъ ихъ положеніи, но сдѣлайте это такъ, умоляю васъ, какъ бы я ничего вамъ не сообщалъ».

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій нерадостно жилось Грибоѣдову въ Тавризѣ. Не даромъ въ письмѣ къ Катенину въ февралѣ 1820 года онъ, говоря о частыхъ землетрясеніяхъ въ Тавризѣ, остритъ: «хоть то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать: провались онъ совсѣмъ,—такъ точно иной разъ провалится».

Далѣе же въ томъ-же письмѣ мы читаемъ: «Не воображай меня однако слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣю примѣшать разнообразіе, распредѣлилъ часы; скучаю поперемѣнно то съ Лугатомъ Персидскимъ, за который не принимался съ сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ *товарищами*. Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творились-бы, да читать некому, сотруженники не русскіе. О любезномъ моемъ фортепіано, гдѣ оно, я совершенно неизвѣстенъ. Книги, посланныя мной изъ Петербурга тѣмъ же путемъ, теряются».

На оборотѣ черняка одного письма, неизвѣстно къ кому, относящагося къ этому же времени, мы встрѣчаемъ набросокъ очевидно просьбы начальству объ увольненіи, и набросокъ этотъ свидѣтельствуетъ, какъ тягостна была для Грибоѣдова жизнь его въ Тавризѣ, имѣвшая характеръ словно почетной ссылки. «Познанія мои,—пишетъ онъ въ этомъ наброскѣ,—заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Ривароль, чѣмъ мы болѣе просвѣщенны, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. Но именно для того, чтобы пріобрѣсти познанія, прошу объ увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину вмѣсто того, чтобы выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ—обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ».

Но однообразная жизнь вдали отъ родины и въ тоскливомъ одиночествѣ принесла и свою пользу. Хотя Грибоѣдовъ и заявляетъ въ письмѣ къ другу, что онъ не пишетъ стиховъ, потому что читать ихъ некому, но это оказывается не совсѣмъ справедливымъ. На самомъ-же дѣлѣ Тавризу оказывается обязаннымъ Грибоѣдовъ новому и на этотъ разъ уже рѣшительному и окончательному приступу къ своей комедіи «Горе отъ ума». Относительно этого существуетъ легенда,

передаваемая Булгаринымъ, что въ 1821 году Грибоѣдовъ, въ Персіи, мечтая о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ, легъ спать въ кіоскѣ въ саду и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отечество со всѣмъ, что осталось въ немъ милаго для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о новой комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ нея. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горя отъ ума» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта.

Очень возможно, что нѣкоторую связь съ этой легендой имѣетъ нижеслѣдующее, найденное въ бумагахъ Грибоѣдова, черновое письмо, неизвѣстно къ кому, повидимому къ А. А. Шаховскому:

«Табрисъ, 17 ноября 1820 г., часъ пополудни.

«Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ; я въ этомъ домѣ не бывалъ прежде. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою, меня принимаютъ въ двери. Пробѣгаю первый залъ и еще нѣсколько другихъ. Вездѣ освѣщеніе; то тѣсно между людьми, то просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего дяди, другія тоже знакомыя; дохожу до послѣдней комнаты, толпа народу, кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы тамъ-же сидѣли въ углу, наклонившись къ кому-то, шептали и ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ: я повернулся и еще куда-то пошелъ, гдѣ-то былъ, воротился; вы изъ той-же комнаты выходите мнѣ на встрѣчу. Первое ваше слово: «вы-ли это, А. С.? какъ перемѣнились? Узнать нельзя. Пойдемте со мною»; увлекли далеко отъ постороннихъ въ уединенную, длинную, боковую комнату, къ матовому окошку, головой прислонились къ моей щекѣ, щека у меня разгорѣлась, и подивитесь! вамъ труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я кажется всегда былъ выше васъ гораздо. Но во снѣ величины искажаются, а все это сонъ, не забудьте.

«Тутъ вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ-ли я что-нибудь для васъ? Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отклонился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ— вы досадовали. Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишете.—Что-же вамъ угодно?— Сами знаете.— Когда-же должно быть готово?— Черезъ годъ непремѣнно.—Обязываюсь.—Черезъ годъ, клятву дайте... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣ-

пой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: «лѣнь губитъ всякій талантъ...» А вы, оберпясь къ человѣку: «посмотрите, кто здѣсь?..» Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился мнѣ на шею.... дружески меня душитъ.—Катенинъ!.. Я пробудился.

«Хотѣлось опять позабыться тѣмъ-же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Всталъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минарета звонкимъ голосомъ возвѣщалъ ранній часъ молитвы (—7 по полуночи), ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа развѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей храминѣ, сажусь писать и живо помню мое обѣщаніе; во снѣ дано, на яву исполнится.»

Письмо это показываетъ, что съ Грибоѣдовымъ дѣйствительно случилось нѣчто вродѣ того, что совѣсть, встревоженная тѣмъ, что за служебными занятіями онъ забросилъ свой талантъ, навѣяла на него сонъ, послѣ котораго тогда-же ночью онъ принялся за перо во исполненіе обѣщанія, даннаго во снѣ. Могло случиться, что во время того-же сна въ памяти его вновь воскресли и планъ, и даже многія сцены комедіи, за которую въ прежнія времена онъ не разъ уже принимался. Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ Грибоѣдовъ не переставалъ уже работать надъ комедіей, пока не довелъ ее до конца.

IV.

Жизнь въ Тифлисѣ.—Грибоѣдовъ въ Москвѣ и въ имѣніи Бѣгичева.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Чтеніе комедіи въ литературныхъ кружкахъ.—Тщетныя хлопоты о постановкѣ пьесы и изданіи ея.—Полемика журналовъ по поводу «Горя отъ ума».—Жизнь въ Петербургѣ.—Новыя знакомства.—Литературная дѣятельность.

Въ концѣ 1821 года Грибоѣдовъ былъ посланъ въ Тифлисъ для сообщенія о войнѣ, вспыхнувшей между Персіей и Турціей,—и по дорогѣ съ нимъ случилось несчастіе, которое помогло ему не возвращаться болѣе въ «дипломатическій монастырь», какъ онъ прозвалъ миссію въ Тавризѣ. Онъ переломилъ въ двухъ мѣстахъ руку, принужденъ былъ обратиться за помощью къ первому встрѣчному, который исполнилъ свое дѣло такъ, что, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, пришлось справленную руку переломить еще разъ. Это послужило поводомъ, что расположенный къ Грибоѣдову Ермоловъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ Нессельроде о назначеніи

Грибоѣдова секретаремъ по иностранной части при своей особѣ, причемъ указывалъ на Грибоѣдова, какъ на достойнаго кандидата въ директоры школы восточныхъ языковъ, которая въ то время проектировалась министерствомъ. Просьба Ермолова была уважена, а сверхъ того 3-го января 1822 года Грибоѣдовъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры.

Жизнь Грибоѣдова въ Тифлисѣ значительно измѣнилась къ лучшему. Онъ поселился на армянскомъ базарѣ въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго кавказскаго хребта. Много бродилъ онъ по городу, предпочитая особенно гору св. Давида, у подошвы которой разстилается весь городъ. На этой горѣ находится теперь его могила.

У себя дома Грибоѣдовъ, обыкновенно въ туземномъ архалукѣ, усердно занимался обработкою своей комедіи и по цѣлымъ часамъ увлекался музыкой, благодаря фортепіано, пріобрѣтенному у Ник. Ник. Муравьева, командира Эриванскаго полка, впослѣдствіи намѣстника Кавказа. Продолжая заниматься персидскимъ языкомъ подъ руководствомъ содержателя одной изъ тифлисскихъ бань, Машади, Грибоѣдовъ дѣлился своими познаніями въ этомъ языкѣ съ Н. Н. Муравьевымъ, который въ свою очередь училъ его турецкому языку. Нѣсколько разъ Грибоѣдовъ отлучался изъ Тифлиса въ разныя стороны Кавказа, порою сопутствуя Ермолову въ поѣздкахъ на линію.

По обыкновенію всѣми любимый, Грибоѣдовъ посѣщалъ лучшіе семейные дома города, чаще-же всего бывалъ у генерала Р. И. Ховена и у вдовы генералъ-маіора Ахвердова, гдѣ впервые увидѣлъ онъ княжну Нину Чавчевадзе, сдѣлавшуюся впослѣдствіи его женой.

Но не обходилось житье въ Тифлисѣ и безъ кое-какихъ дрязгъ и непріятныхъ столкновеній. Такъ, какой то Боборыкинъ едва не поссорилъ Грибоѣдова съ Муравьевымъ, насплетничавши послѣднему, будто Грибоѣдовъ наканунѣ у Н. Н. Ермолова насмѣхался надъ занятіями восточными языками и способностями Муравьева.

Обиженный Муравьевъ отослалъ Грибоѣдову книги, но Грибоѣдовъ явился самъ и извинился. Боборыкинъ, «имѣя старыя причины на него сѣтовать», сталъ говорить колкости. Грибоѣдовъ вскочилъ и ушелъ, но вскорѣ, благодаря миролюбію Грибоѣдова и вмѣшательству Муравьева, все устроилось.

Мая 20-го 1822 года произошла ссора, а затѣмъ дуэль Кюхельбекера съ Похвисневымъ, кончившаяся промахомъ съ одной стороны и осѣчкою съ другой. Н. Н. Муравьевъ слышалъ отъ П. Н. Ермолова, что причиною всего былъ Грибоѣдовъ и что Кюхельбекеръ дѣйствовалъ по его совѣту.

Въ Тифлисѣ были окончены два первыя дѣйствія «Горя отъ ума». Но Грибоѣдовъ пришелъ къ убѣжденію, что для окончанія комедіи у него недостаетъ красокъ, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вдали, затуманили въ его памяти нравы и людей московскаго общества. Кавказская жизнь начала тяготить его не менѣе персидской, и вотъ въ мартѣ 1823 года онъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ, превратившійся въ двухлѣтнее отсутствіе отъ мѣста службы.

Увидѣвшись послѣ долгой разлуки съ Бѣгичевымъ, Грибоѣдовъ прочелъ ему написанные два акта комедіи, причемъ Бѣгичеву показалось, что Грибоѣдовъ съ неудовольствіемъ выслушалъ сдѣланныя имъ замѣчанія относительно перваго акта.

На другой день Бѣгичевъ засталъ Грибоѣдова рано утромъ неодѣтаго у печки, въ которую онъ бросалъ листъ за листомъ написанный первый актъ.

— Я обдумалъ,—отвѣчалъ онъ изумленному Бѣгичеву: — ты вчера говорилъ мнѣ правду, но не безпокойся: все готово въ головѣ моей.

И дѣйствительно, черезъ недѣлю актъ былъ написанъ вновь.

По пріѣздѣ въ Москву Грибоѣдовъ остановился у своихъ родныхъ и съ жаромъ принялся за окончаніе комедіи. Какъ родные, такъ и всѣ московскіе друзья и пріятели не узнавали его. Прежде онъ чуждался общества, и съ трудомъ можно было выманить его на шумное свѣтское собраніе; теперь-же онъ началъ являться всюду, сталъ присяжнымъ посѣтителемъ гостиныхъ, баловъ, пикниковъ. Съ жадностью наблюдалъ онъ все, что представлялось его взорамъ, и, возвращаясь поздно домой, писалъ цѣлыя сцены по ночамъ въ одинъ присѣстъ.

О комедіи его никто пока не зналъ, кромѣ Бѣгичева и кн. П. А. Вяземскаго, съ которымъ Грибоѣдовъ въ то время только что познакомился въ Москвѣ и читалъ ему «Горе отъ ума», причемъ Вяземскій сдѣлалъ поправку въ 8 явл. 2-го дѣйствія: слова Чацкаго «*для компаніи*» передалъ Лизѣ. Но вскорѣ комедія получила общую извѣстность. Произошло это такимъ образомъ: Грибоѣдовъ былъ разсѣянъ и безпеченъ, работалъ, гдѣ Богъ приведетъ, и никогда не трудился прибирать своей работы. Всего чаще приходилъ онъ ни-

сать въ комнату сестры и разбрасывалъ листы своей рукописи по всѣмъ угламъ дома, гдѣ ни попало. Графъ Вельегорскій, перебирая однажды ноты на рояли Марьи Сергѣевны, нашелъ листъ, потомъ другой-третій, исписанные стихами рукою Грибоѣдова. На вопросъ хозяйки, что это такое, она отвѣчала, желая замять дѣло: «ce sont les folies d'Alexandre!» Но было уже поздно: эти folies были часть «Горя отъ ума». Вельегорскій почти насильно увезъ съ собою найденные листы, и вѣсть о новой комедіи разнеслась по Москвѣ и далѣе. Грибоѣдовъ не пользовался тогда еще славою первостепеннаго поэта, и надо полагать, что пьеса его интересовала публику не какъ новое великое художественное произведеніе, а какъ комедія-пасквиль, въ которой выставлены въ карикатурномъ видѣ портреты многихъ лицъ московскаго бомонда. Въ такомъ видѣ тогда же долетѣла вѣсть о комедіи Грибоѣдова до Одессы, и Пушкинъ, находившійся въ то время тамъ, въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому, съ негодованіемъ заявляетъ: «Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны.»

Между тѣмъ Грибоѣдовъ продолжалъ безъ устали работать надъ своей комедіей: работалъ онъ и въ Москвѣ, и весною 1824 г. въ имѣніи Бѣгичева, въ селѣ Дмитріевскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Здѣсь онъ уединялся для работы въ бесѣдку въ саду, вставая рано и лишь къ обѣду являясь къ домашнимъ, а по вечерамъ читалъ все написанное днемъ. Наконецъ, когда въ іюнѣ 1824 года онъ поѣхалъ въ Петербургъ, то продолжалъ трудиться надъ комедіей и въ дорогѣ, и по пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующемъ письмѣ Бѣгичеву въ августѣ 1824 г. «Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю стертое, такъ что кажется работѣ конца не будетъ... будетъ-же, добьюсь до чего нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершенъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что слишкомъ восемьдесятъ стиховъ или, лучше сказать, риѳмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку со свѣчей подъ лѣстницею, и

передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая. быстрая вещь, стихи искрами посыпались въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гр. и Бургъ, Колосовой, Каратыгину, дай счесть—*8 чтеній*, нѣтъ обчелся, — двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховской рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Вельегорскаго я то же воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и тоже, что во многихъ мѣстахъ импровизирую.—да, это нѣсколько разъ случилось,—потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались. Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'intérêt du moment...»

Тріумфъ, съ которымъ встрѣтилъ Петербургъ комедію Грибоѣдова, естественно закружилъ ему голову и довелъ его до той высокомѣрной рѣзкой выходки на чтеніи комедіи у Н. И. Хмѣльницкаго, о которой разсказываетъ въ своихъ запискахъ Каратыгинъ:

«Н. И. Хмѣльницкій сдѣлалъ обѣдъ, на который пригласилъ литераторовъ и артистовъ (Каратыгиныхъ и Сосницкаго). Хмѣльницкій жилъ тогда бариномъ, въ собственномъ домѣ по Фонтанкѣ, у Симеоновскаго моста. Въ назначенный часъ собралось у него небольшое общество. Обѣдъ былъ роскошенъ, веселъ, шуменъ... Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную, подали кофе и закурили сигары... Грибоѣдовъ положилъ рукопись своей комедіи на столъ, гости въ нетерпѣливомъ ожиданіи начали придвигать стулья; каждый старался помѣститься поближе, чтобъ не проронить ни одного слова... Въ числѣ гостей былъ нѣкто Вас. Мих. Ѳедоровъ, сочинитель драмы «Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія» и другихъ уже давно забытыхъ пьесъ... Онъ былъ человѣкъ очень добрый, простой, но имѣлъ претензію на остроуміе... Физіономія ли его не понравилась Грибоѣдову, или можетъ быть старый шутникъ пересолилъ за обѣдомъ, разсказывая неостроумные анекдоты, только хозяину и его гостямъ пришлось быть свидѣтелями довольно непріятной сцены... Покуда Грибоѣдовъ закуривалъ свою сигару, Ѳедоровъ, подойдя къ столу, взялъ комедію (которая была переписана довольно разгонисто), покачалъ ее на рукѣ и, съ простодушной улыбкой, сказалъ: «Ого! какая полновѣсная!.. Это стоитъ моей Лизы». Грибоѣдовъ посмотрѣлъ на него изъ подъ очковъ и отвѣчалъ ему сквозь зубы: «Я пошлостей не пишу». Такой неожиданный отвѣтъ, разумѣется, огорошилъ Ѳедорова, и онъ, стараясь показать, что принимаетъ

этотъ отвѣтъ за шутку, улыбнулся и тутъ же поторопился прибавить: «Никто въ этомъ не сомнѣвается, Александръ Сергѣевичъ; я не только не хотѣлъ обидѣть васъ сравненіемъ со мной, но право готовъ первый смѣяться надъ своими произведеніями».

— «Да, надъ собой-то вы можете смѣяться, сколько вамъ угодно, а я надъ собой—никому не позволю...

— «Помилуйте, я говорилъ не о достоинствѣ нашихъ пьесъ, а только о числѣ листовъ.

— «Достоинство моей комедіи вы еще не можете знать, а достоинства вашихъ пьесъ всѣмъ давно извѣстны.

— «Право, вы напрасно это говорите: я повторяю, что вовсе не думалъ васъ обидѣть.

— «О, я увѣренъ, что вы сказали, не подумавши, а обидѣть меня вы никогда не можете.

«Хозяинъ отъ этихъ шпилекъ былъ какъ на иголкахъ и, желая шуткой какъ нибудь замять размолвку, которая принимала нешуточный характеръ, взялъ за плечи Ѳедорова и, смѣясь, сказалъ ему: «Мы за наказаніе посадимъ васъ въ задній рядъ креселъ».

— «Вы можете его посадить, куда вамъ угодно, только я при немъ своей комедіи читать не стану.

«Ѳедоровъ покраснѣлъ до ушей и походилъ въ эту минуту на школьника, который силится схватить ежа—и гдѣ его ни тронетъ, вездѣ уколется. Очевидно, что хозяинъ былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе между своими гостями; не зналъ, чью сторону принять, и всѣми силами старался какъ нибудь потушить эту вздорную ссору, но Грибоѣдовъ былъ непреклоненъ и ни за что не соглашался при Ѳедоровѣ начать чтеніе. Нечего было дѣлать, бѣдный авторъ добродѣтельной Лизы взялъ шляпу и, подойдя къ Грибоѣдову, сказалъ:

— «Очень жаль, Александръ Сергѣевичъ, что невинная моя шутка была причиной такой непріятной сцены... И я, чтобъ не лишать хозяина и его почтенныхъ гостей удовольствія слышать вашу комедію, ухожу отсюда.

«Грибоѣдовъ съ жестокимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ ему на это:—«счастливаго пути».

«Ѳедоровъ скрылся... И затѣмъ Грибоѣдовъ началъ читать свою комедію...»

Между тѣмъ, какъ Петербургъ встрѣтилъ комедію Грибоѣдова съ такимъ общимъ и единодушнымъ восторгомъ, Москва продолжала видѣть въ ней одинъ пасквиль на именитыхъ ея лицъ, и въ велико-

свѣтскихъ кругахъ ея, преисполнившихся открытаго негодованія, поднялась яростная агитація противъ автора. Въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи находили сходства то съ тѣми, то съ другими московскими особами, и кричали о томъ, что слѣдуетъ постоять за честь порядочнаго общества Москвы, русскаго имени, за нравственность и пр. Съ этой цѣлью подбивали «американца» Толстого, котораго всѣ узнали въ «почномъ разбойникѣ и дуэлистѣ, вернувшемся изъ Камчатки алеутомъ»,—вызвать на дуэль Грибоѣдова. Директоръ театровъ Кокошкинъ представилъ генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну, что «Горе отъ ума»—прямой пасквиль на Москву. Затѣмъ послѣдовали донесенія и въ Петербургъ о томъ, что комедія колеблетъ основы, возбуждаетъ недовольство дворянскаго сословія и т. п. При этихъ условіяхъ понятно, что всѣ хлопоты Грибоѣдова о томъ, чтобы поставить пьесу на сцену, потерпѣли полное фіаско; напрасно онъ разсчитывалъ на талантливую актрису Дюрову, какъ на прекрасную исполнительницу роли Софіи, давалъ совѣты Сосницкому и Щепкину, которымъ предназначалъ роли Репетилова и Фамусова. Тщетно дѣлалъ онъ массу урѣзокъ въ своей пьесѣ, чтобы сдѣлать ее цензурной. Не помогли ходатайства и вліятельныхъ лицъ, въ томъ числѣ дальняго родственника Грибоѣдова, Паскевича. Даже устроенное было тайкомъ учениками театральной школы представленіе «Горя отъ ума», причемъ репетиціями руководилъ самъ авторъ, было разстроено, по приказанію генералъ-губернатора гр. Милорадовича, который былъ золъ на Грибоѣдова за то, что тотъ отбивалъ отъ него танцовщицъ, пользовавшихся его покровительствомъ, въ числѣ которыхъ наболѣе увлекался Грибоѣдовъ Телешевой, такъ что прославлялъ ее даже стихами. Не менѣе того возбуждало злобу Милорадовича противъ Грибоѣдова то обстоятельство, что послѣдній прозвище Милорадовича «le chevalier Bayard» переименовалъ въ «le chevalier bavard». Грибоѣдовъ сдѣлалъ эту передѣлку, съ одной стороны намекая на болтливость гр. Милорадовича, а съ другой въ воспоминаніе того, что Милорадовичъ, говоря по-французски Александру I о смерти короля баварскаго, сказалъ вмѣсто «le roi de Bavière»- «le roi des Bavares».

Лишь спустя три года удалось Грибоѣдову въ первый и единственный разъ въ жизни увидѣть свою пьесу на сценѣ. Это было въ 1829 г. въ Эриванѣ, гдѣ дивизіонный генералъ Красовскій устроилъ весьма порядочный офицерскій театръ въ бывшемъ дворцѣ персидскихъ сердарей; но гр. Паскевичъ запретилъ эти спектакли. Впер-

вые «Горе отъ ума» было сыграно на публичной сценѣ уже послѣ смерти Грибоѣдова въ Петербургѣ 26-го января 1831 г., а въ Москвѣ—27-го ноября того-же года.

Не удалось Грибоѣдову видѣть свою комедію и въ печати въ полномъ ея составѣ. Лишь въ альманахѣ «Русская Талія», изданномъ въ 1825 году О. Булгаринымъ, было напечатано нѣсколько сценъ изъ нея. Надо впрочемъ замѣтить, что Грибоѣдовъ самъ былъ отчасти виноватъ, что комедія его не появилась въ печати въ полномъ видѣ тогда-же. По разсказу одного изъ цензоровъ того времени, въ 1824 году въ пріемную къ министру явился однажды высокій стройный мужчина, во фракѣ, очкахъ, съ большой переплетенной рукописью. Это былъ Грибоѣдовъ. Разсказчикъ, случившійся въ пріемной, спросилъ вошедшаго, чего онъ желаетъ?—«Я хочу видѣть министра и просить у него разрѣшенія напечатать комедію «Горе отъ ума». «Чиновникъ объяснилъ, что дѣло просмотра рукописи принадлежитъ цензурѣ, и онъ напрасно обращается къ министру. Грибоѣдовъ однако стоялъ на своемъ, а потому былъ допущенъ къ министру. Тотъ, просмотрѣвъ рукопись, перепугался разныхъ отдѣльныхъ стиховъ, и комедія на многіе годы была запрещена. «Не иди Грибоѣдовъ къ министру, а представь рукопись къ намъ въ комитетъ,—разсказывалъ цензоръ,—мы бы вычеркнули изъ нея нѣсколько строкъ, и «Горе отъ ума» явилось-бы въ печати почти десяткомъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ то случилось по гордости Грибоѣдова, пожелавшаго имѣть дѣло прямо съ министромъ, а не съ цензурнымъ комитетомъ».

Такимъ образомъ въ полномъ видѣ, хотя и съ большими пропусками, комедія появилась въ печати лишь въ 1833 году. За то въ спискахъ къ пятидесятымъ годамъ она успѣла распространиться въ количествѣ около сорока тысячъ экземпляровъ.

Появленіе отрывковъ комедіи въ «Русской Таліи» развязало языкъ прессы, и весь 1825 годъ былъ занятъ ожесточенной полемикой различныхъ органовъ печати по поводу «Горя отъ ума». Вся литература, можно сказать, раздѣлилась на два лагеря—друзей и враговъ пьесы. Во главѣ послѣднихъ стоялъ и доживавшій послѣдніе дни свои Карамзинъ, не забывшій насмѣшекъ Грибоѣдова надъ сентиментализмомъ. Но Карамзинъ конечно не заявлялъ своего мнѣнія печатно, а ограничивался разговоромъ въ кругу своихъ высокопоставленныхъ друзей. Въ пользу комедіи первый голосъ подалъ Н. Ал. Полевой въ № 1 своего «Московскаго Телеграфа» за 1825 годъ.

«Еще ни въ одной россійской комедіи,—писалъ онъ,—не находимъ мы такихъ острыхъ, новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ общества, какія находимъ въ комедіи «Горе отъ ума». Загорѣцкій, Наталья Дмитріевна, князь Тугоуховскій, Хлестова, Скалозубъ списаны мастерскою кистью. Смѣемъ надѣяться, что читавшіе и читающіе отрывокъ позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить г. Грибоѣдова издать всю комедію; до этого не можемъ сказать ни слова о завязкѣ и развязкѣ комедіи. Безпристрастно судя, можно-бы пожелать болѣе гармоніи и чистоты въ стихахъ г. Грибоѣдова. Выраженія: *глазомъ-мигомъ не прищуря—кто-жъ радуется эдакъ—черномазенькій—домъ зеленью раскрашенъ—нынту дыла—слыли за дураковъ—опротивѣть—къ прикмахеру* и т. п. дерутъ уши».

Противъ этого отзыва Полевого не замедлилъ возстать въ № 5 «Вѣстника Европы» Коченовскаго М. А. Дмитріевъ, ополчившійся на комедію Грибоѣдова грозною филиппикой, въ которой между прочимъ говоритъ: «По отрывку нельзя судить о цѣлой комедіи; но о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица можно. Г. Грибоѣдовъ хотѣлъ представить умнаго и образованнаго человѣка, который не нравится обществу людей необразованныхъ. Если-бы комикъ исполнилъ сію мысль, то характеръ Чацкаго былъ-бы занимателенъ, окружающія его лица смѣшны, и вся картина забавна и поучительна! Но мы видимъ въ Чацкомъ человѣка, который злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову; естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе! Напримѣръ, встрѣтившись съ дѣвицей, въ которую влюбленъ и съ которой нѣсколько лѣтъ не видался, онъ не находитъ другого разговора, кромѣ ругательствъ и насмѣшекъ надъ ея батюшкой, дядюшкой, тетушкой и знакомыми, потомъ, на вопросъ молодой графини, зачѣмъ онъ не женился въ чужихъ краяхъ? – отвѣчаетъ грубо—дерзостью! Сама Софія говоритъ о немъ: «не человѣкъ — змѣя!» Итакъ мудрено-ли, что отъ такого лица разбѣгутся и примутъ его за сумасшедшаго».

Далѣе критикъ полагаетъ, что «Горе отъ ума» взято изъ «Абдеритовъ» Виланда, но только Чацкому далеко до Демокрита этой комедіи. О языкѣ же «Горя отъ ума» онъ отзывается стихомъ изъ самой комедіи, что въ ней «господствуетъ смѣшенье языковъ французскаго съ нижегородскимъ».

На критику Дмитріева ополчился въ «Сынѣ Отечества» въ защиту «Горя отъ ума» О. Сомовъ. Противъ Сомова въ защиту Дми-

тріева выступилъ въ № 10 «Вѣстника Европы» нѣкій Пилладъ Бѣлугинъ, который не ограничился уже одними отрывками комедіи, напечатанными въ «Русской Таліи», а разбираетъ ее всю, въ цѣломъ составѣ, и находитъ, что «ни одна сцена не истекаетъ изъ предыдущей и не связывается съ послѣдующей. Перемѣните порядокъ явленій, переставьте нумера ихъ, выбросьте любое, вставьте, что хотите, и комедія не перемѣнится. Во всей пьесѣ нѣтъ *необходимости*, стало нѣтъ *завязки*, а потому не можетъ быть и *дѣйствія*».

О своемъ противникѣ-же О. Сомовѣ критикъ «Вѣстника Европы» замѣчаетъ, что «не любовь къ истинѣ водила перомъ его, а досада на смѣлость рецензента, возставшаго противъ автора одного съ нимъ *прихода*».

Что касается самого Грибоѣдова, то онъ нетолько не принималъ никакого участія во всей этой бранчливой полемикѣ, но и друзей своихъ удерживалъ отъ участія въ ней. Его болѣе занимали и задѣвали за живое отзывы людей, которыхъ онъ привыкъ уважать съ первыхъ лѣтъ своего вступленія на литературное поприще. Такъ. чрезвычайно интересно письмо его къ П. А. Катенину, января 1825 года, въ которомъ онъ возражаетъ противъ замѣчаній Катенина на его комедію. Считаемъ нужнымъ привести это письмо цѣликомъ, такъ какъ оно содержитъ взглядъ на «Горе отъ ума» самого автора:

«Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ-ли мнѣ въ ихъ мнѣніи? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ:—мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ за то, (что) онъ немножко повыше прочихъ, сначала онъ веселъ, и это порокъ: «*Шутитъ и всякъ шутитъ, какъ васъ на это станетъ!*» Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ, что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей доли той черты! Его насмѣшки не язвительны, покуда его не взбѣсить, но все таки: «*Не человѣкъ—змѣя!*» а послѣ, когда вмѣшивается личность «нашихъ

затронули», предается анаѳемѣ: «*Умереть радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!*» Не терпитъ подлости: «*ахъ! Боже мой, онъ Карбонарій!*» Кто то со злости выдумалъ о немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ и всѣ повторяютъ. Голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой собственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Форзъ тоже разочарована на счетъ своего сахарамедовича. Что же можетъ быть полнѣе этого?

«*Сцены связаны произвольно*». Такъ-же какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ; чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра.

«*Характеры портретны*». Да! и я коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечіе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедій и трагедій, въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ, и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», «Мнимый больной»—портреты, и превосходные; «Скупецъ»—Антропосъ собственной фабрики, и несносенъ.

«*Дарованія больше, нежели искусства*». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, не знаю, стою-ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго пóтомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ. разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше-ли вовсе безъ хитростей? *nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Главная цѣль поѣздки Грибоѣдова въ Петербургъ заключа-

лась въ томъ, чтобы испросить разрѣшеніе на поѣздку за-границу. Но хотя разрѣшеніе это послѣдовало, онъ не воспользовался имъ, что дало ему возможность прожить около года въ Петербургѣ. Жилъ онъ уединенно на Торговой улицѣ, изучалъ восточные языки подъ руководствомъ профессора Казембека и Мирзы Джафара, и сверхъ того занимался правовѣдѣніемъ, философіей, исторіей и политической экономіей. Свѣтскіе салоны въ это время посѣщалъ онъ рѣдко, предпочитая имъ литературные кружки, хотя нельзя сказать, чтобы и послѣдніе вполнѣ удовлетворяли его. «Вчера я обѣдалъ,—писалъ онъ Вѣтчеву 4 января 1825 г.,—со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и вниманъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ».

Несравненно болѣе и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ удовлетворялъ Грибоѣдова литературный кружокъ, группировавшійся вокругъ «Полярной Звѣзды.» Онъ познакомился въ это время и сблизился со многими изъ декабристовъ,—Рылѣевымъ, А. А. Бестужевымъ, Д. И. Завалишинымъ. Они до нѣкоторой степени посвятили его въ свои политическіе замыслы, но Грибоѣдовъ далеко не сочувствовалъ этимъ замысламъ.

«Сто человѣкъ прапорщиковъ,—часто говорилъ онъ, смѣясь,—хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи.»

Изрѣдка принимался онъ въ это время и за перо, хотя ничего не произвелъ, что можно было поставить на ряду съ «Горемъ отъ ума». Такъ, сверхъ вышеупомянутаго посланія Телешевой, напечатаннаго въ «Сынѣ Отечества» 1825 г., къ тому времени относятся стихотвореніе «Востокъ», отрывокъ изъ поэмы «Кальянчи», «Прологъ къ «Фаусту» Гете», напечатанный въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г., стихотвореніе «Домовой» на какой-то сюжетъ изъ міра русскихъ народныхъ сказокъ; наконецъ вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ онъ написалъ оперу-водевиль «Гдѣ братъ, гдѣ сестра», въ которомъ ему принадлежатъ два романса: «Любитъ обновы мальчикъ этотъ» и «Ахъ, никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ».

По всей вѣроятности подъ впечатлѣніемъ ничтожности всѣхъ этихъ литературныхъ работъ Грибоѣдовъ сѣтовалъ въ письмѣ Вѣтчеву 9 сент. 1825 г.: «Ничего не написалъ—не знаю, не слишкомъ-ли я отъ себя требую? умѣю-ли писать? право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать,—за это ручаюсь; отчего-же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!»

V.

Путешествіе по Крыму.—Ипохондрія.—Возвращеніе на Кавказъ.—Участіе въ экспедиціи Вельяминова.—Арестъ.—Путешествіе съ фельдъегеремъ въ Петербургъ.—Заключеніе и оправданіе.—Жизнь на Выборгской сторонѣ.—Поступленіе подъ начальство Паскевича.—Персидская кампанія.—Неустрашимость Грибоѣдова.—Заключеніе Туркменчайскаго мира.—Послѣднее пребываніе въ Петербургѣ.—Награды и почести.—Трагедія «Грузинская ночь».—Посѣщеніе литературныхъ кружковъ.

Срокъ отпуска Грибоѣдова кончился въ мартѣ 1825 года и приходилось возвращаться на Кавказъ. Онъ поѣхалъ туда не прямо, а нѣсколько въ объѣздъ черезъ Кіевъ, гдѣ былъ въ началѣ іюня, и затѣмъ объѣхалъ весь южный берегъ Крыма съ М. И. Бороздинымъ и слугою Александромъ Грибовымъ. При этомъ, судя по краткому дневнику этого путешествія, Грибоѣдова занимали не однѣ красоты крымской природы, но и различныя историко-археологическія древности. Такъ, въ Херсонесѣ его занялъ вопросъ о крещеніи Руси Владиміромъ; на еврейскомъ кладбищѣ его заинтересовали старыя надгробныя надписи; слѣды греческихъ и генуэзскихъ поселеній возбудили въ немъ рядъ остроумныхъ соображеній.

Но ни мало не утѣшилъ и не развлекъ Грибоѣдова Крымъ ни своими красотами природы, ни историческими древностями. Замѣчательно, что каждый разъ, когда Грибоѣдовъ оставлялъ Петербургъ и по мѣрѣ приближенія къ югу и посту своего служенія, имъ все болѣе и болѣе овладѣвала мучительная ипохондрія, во время разгара которой онъ не зналъ, гдѣ найти мѣсто, и былъ близокъ къ самоубійству. Такъ, уже въ Симферополѣ, гдѣ онъ остановился въ сентябрѣ, успѣвши уже объѣхать южный берегъ, ипохондрія возбуждала въ немъ стремленіе къ полному одиночеству, и онъ тяготился толпою туристовъ-поклонниковъ, осаждавшихъ его своими ухаживаніями за только-что пріобрѣтшимъ популярность драматургомъ.

«Еще игра судьбы нестерпимая,—пишетъ онъ Бѣгичеву 9 сент. 1825 г.,—весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжая сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не долѣе сутокъ, потому-ли, что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, и чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга. Мало этого. Наѣхали путешественники, которые

меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно—веселый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! Да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно!» Въ Ѳеодосіи эта ипохондрія приняла еще болѣе острый характеръ.

«А мнѣ,—пишетъ онъ все тому-же Бѣгичеву 12 сентября,—между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! думаю помочь себѣ, взялся за перо. но пишется нехотя, вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности.—Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучаетъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ никогда еще не бывало.

«Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любитъ, и пуще моего будетъ несчастливъ, какъ узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».

Въ октябрѣ Грибоѣдовъ вернулся въ Грузію и, представившись Ермолову въ Екатериноградской станицѣ, участвовалъ, какъ охотникъ, въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ чеченцевъ. Здѣсь, въ виду непріятеля, у подножія Кавказскихъ горъ, Грибоѣдовъ написалъ стихотвореніе «Хищники въ Чегемѣ», напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ» въ № 143 1826 г.

Ермоловъ любилъ Грибоѣдова, какъ сына, не полагая предѣловъ своей къ нему пріязни и снисходительности. Грибоѣдовъ въ свою очередь не скупился на самыя восторженныя хвалы, хотя и далъ ему прозвище проконсула, а о его дѣятельности отзывался: «борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ; будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на Исторію».

Въ это же время при Ермоловѣ находился на Кавказѣ извѣстный партизанъ и поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Грибоѣдовъ сошелся съ нимъ и полюбилъ его. Въ письмахъ къ Бѣгичеву онъ отзывался о Давыдовѣ съ самой выгодной стороны. Такъ, въ письмѣ отъ 7 дек. 1825 г. онъ между прочимъ выразился: «Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки самого Алексѣя Петровича (Ермолова). Эта краска рыцарства, какою судьба

оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему кабардинцевъ».

Знакомство съ декабристами не обошлось Грибоѣдову даромъ. 23-го января 1826 г. въ Екатеринградскую станицу пріѣхалъ фельдъегерь Уклонскій съ приказомъ арестовать Грибоѣдова. Приказъ былъ полученъ Ермоловымъ за ужиномъ. Онъ вышелъ въ другую комнату, позвалъ сейчасъ же Грибоѣдова и сказалъ:

— Ступай домой и сожги все, что можетъ тебя скомпрометировать. За тобой прислали, и я могу дать тебѣ только часъ времени. Грибоѣдовъ ушелъ, и послѣ назначеннаго срока Ермоловъ со всею толпою, съ начальникомъ штаба и адъютантами пришелъ арестовать его. Часть бумагъ Грибоѣдова была въ крѣпости Грозной. Ермоловъ далъ предписаніе командиру взять ихъ и вручить фельдъегерю. Въ отношеніи же къ барону Дибичу Ермоловъ заявилъ, что Грибоѣдовъ «взятъ такимъ образомъ, что не могъ истребить находившихся у него бумагъ; но таковыхъ при немъ не найдено, кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются; если же впослѣдствіи могли бы быть отысканы оныя, то всѣ таковыя будутъ доставлены». Въ заключеніе Ермоловъ сообщилъ, что Грибоѣдовъ во время служенія его въ миссіи при персидскомъ дворѣ и потомъ при немъ «какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣетъ весьма многія хорошія качества».

«Когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ съ фельдъегеремъ въ Москву, онъ,—разсказываетъ Бѣгичевъ,—чтобы не испугать меня, проѣхалъ прямо въ домъ брата моего Дмитрія Никитича въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Пятницы Божедомской. Въ этотъ самый день у меня былъ обѣдъ: родные съѣхались провожать брата жены моей А. Н. Барышникова, возвращавшагося изъ отпуска на службу. Дмитрій Никитичъ долженъ былъ обѣдать у меня же. Ждали мы его, ждали и наконецъ сѣли за столъ. Вдругъ мнѣ подаютъ отъ брата записку такого содержанія: «Если хочешь видѣть Грибоѣдова, пріѣзжай, онъ у меня». Я, ничего не подозрѣвая, на радостяхъ, сказалъ эту вѣсть во всеуслышаніе. Родные, зная мои отношенія къ Грибоѣдову, сами стали посылать меня на это такъ неожиданно приспѣвшее свиданіе. Я отправился. Вхожу въ кабинетъ къ брату,—накрытъ столъ; сидятъ и обѣдаютъ: Грибоѣдовъ, братъ и еще какая то безволосая фигурка въ курьерскомъ сюртукѣ. Увидѣлъ я эту фигурку и меня облило холоднымъ потомъ. Грибоѣдовъ смекнулъ дѣло и сейчасъ-же нашелся:

— «Что ты смотришь на него? — сказалъ онъ мнѣ. — Или думаешь, что, это... такъ.. просто курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ—онъ происхожденія знатнаго: это испанскій грандъ донъ Лыско Плѣшивосъ да-Париченца!

«Этотъ фарсъ разсмѣшилъ меня и показалъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало нѣсколько легче. Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и совершенно покоенъ.

— «А что, братецъ, — сказалъ онъ тѣлохранителю, — вѣдь у тебя здѣсь родные; ты бы съѣздилъ повидаться съ ними!

«Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его *отпустилъ*, и сейчасъ уѣхалъ. Первымъ моимъ вопросомъ Грибоѣдову было выраженіе удивленія, какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ и временемъ, которое уже не принадлежало ему, и особою своего тѣлохранителя.

— «Да что!—отвѣчалъ онъ мнѣ,—я сказалъ этому господину, что если онъ хочетъ довезти меня живого, такъ пусть дѣлаетъ то, что̀ мнѣ угодно. Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать!

«Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву около 4 часовъ пополудни и выѣхалъ въ 2 часа ночи. На третій день я отправился къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ (матери Грибоѣдова), и та съ обыкновенной своей запосчивостью, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына, на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій то онъ, и вольнодумецъ и пр., и пр.

«Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я узналъ отъ него послѣ, онъ опять остановился; у тѣлохранителя оказалась тамъ сестра, къ которой они и въѣхали. Грибоѣдовъ, войдя въ комнату, увидалъ фортепіано и,—глубокій музыкантъ въ душѣ,—не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему. Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!

По пріѣздѣ въ Петербургъ, курьеръ привезъ его въ Главный Штабъ и сдалъ съ пакетомъ дежурному офицеру. Пакетъ лежалъ на столѣ... Грибоѣдовъ подошелъ, взялъ его... пакетъ исчезъ... Имя Грибоѣдова было такъ громко, что по городу сейчасъ же пошли слухи: «Грибоѣдова взяли! Грибоѣдова взяли!...»

Вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ въ зданіи Главнаго Штаба въ 3 комнатахъ гр. Толя (въ виду переполненія крѣпости) были Кольмъ, гр. Мошинскій, Сенявинъ, Раевскій, кн. Баратаевъ, Любимовъ, кн. Шаховской, Завалишинъ и др. Вначалѣ смотритель Жуковскій притѣснялъ ихъ, но Любимовъ, бывшій командиръ Тарутинскаго полка, подкупилъ его и отсюда произошло извѣстное послабленіе всѣмъ арестованнымъ. Жуковскій даже водилъ Грибоѣдова и Завалишина

въ кондитерскую Лоредо, бывшую на углу Адмиралтейской площади и Невскаго проспекта. Въ отдѣльной комнаткѣ стояло фортепіано и на немъ игралъ Грибоѣдовъ.

«Невесело было однако ему сидѣть,—разсказываетъ Бѣгичевъ.—Но и тутъ, въ заключеніи, не исчезло вліяніе его характера, очаровывавшаго все окружающее. Его очень полюбилъ надсмотрщикъ, надзиравшій надъ лицами, содержавшимися подъ арестомъ. Разъ Грибоѣдовъ, въ досадѣ на свое положеніе, разразился такой громкой іереміадой, что надсмотрщикъ отворилъ дверь въ его комнату... Грибоѣдовъ пустилъ въ него чубукомъ. Товарищи заключенія такъ и думали, что ему послѣ того не сдобровать.

«Что же вышло? Черезъ полчаса, или менѣе, дверь полуотворилась и надсмотрщикъ спрашиваетъ:

— «Александръ Сергѣевичъ, вы еще сердиты или нѣтъ?

— «Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! — отвѣчалъ Грибоѣдовъ, разсмѣявшись.

— «Войти можно?

«Можно.

— «И чубукомъ пускать не будете?

— «Нѣтъ, не буду!

«Допрашивать его водили въ крѣпость. На первомъ же допросѣ Грибоѣдовъ началъ, письменно отвѣчая на данные ему вопросные пункты, распространяться о заговорщикахъ: «я ихъ знаю всѣхъ» и пр. Въ эту минуту къ его столу подошло одно вліятельное лицо (все тотъ же Любимовъ) и взглянуло на бумагу.

— «Александръ Сергѣевичъ! Что вы пишете!—сказалъ подошедшій:—пишите: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю».

«Грибоѣдовъ такъ и сдѣлалъ, да еще написалъ отвѣтъ довольно рѣзкій. «За что меня взяли,—не понимаю; у меня старуха-мать, которую это убьетъ и пр.» По прочтеніи этого отзыва заключили, что не только противъ него нѣтъ никакихъ уликъ, но что человѣкъ долженъ быть правъ, потому что чуть-чуть не ругается».

Четыре мѣсяца пришлось Грибоѣдову провести въ заключеніи, находя утѣшеніе лишь въ чтеніи и занятіяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его записочки друзьямъ, исполненныя просьбъ прислать то Чайльдъ-Гарольда, то стихотворенія Пушкина, то карту Греціи, то какую то «Тавриду» Боброва, то «Дифференціальное исчисленіе» Франкёра.

Лишь въ первыхъ числахъ іюня 1826 г. Грибоѣдовъ, совершенно оправданный, былъ освобожденъ изъ подъ ареста, обласканъ

императоромъ Николаемъ Павловичемъ и награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника.

Послѣ освобожденія Грибоѣдовъ поселился съ Булгаринымъ на дачѣ въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ и прожилъ тамъ лѣто, видаясь лишь съ близкими людьми и проводя время въ чтеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ занятіяхъ музыкой и прогулкахъ, дѣлая частыя экскурсіи по окрестностямъ, «странствуя по берегу морскому, переносясь то наверхъ Дудоровой горы, то въ пески Ораніенбаума». Расположеніе духа его было въ это время по большей части крайне унылое, что̀ отражалось и на его музыкальныхъ импровизаціяхъ, отзывавшихся глубокимъ чувствомъ меланхоліи. Часто, по словамъ Булгарина, онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, и я не успѣваю даже учиться, не только работать. Но я долженъ что-нибудь сдѣлать... сдѣлаю!...» Грибоѣдовъ указывалъ на Байрона, Гёте, Шиллера, которые оттого именно вознеслись выше своихъ современниковъ, что геній ихъ равнялся учености. Грибоѣдовъ судилъ здраво, безпристрастно и съ особеннымъ жаромъ. У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. — «Жизнь народа, какъ жизнь человѣческая, есть дѣятельность умственная и физическая,—говорилъ Грибоѣдовъ:—словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ! Какой результатъ нашихъ литературныхъ трудовъ по истеченіи года, столѣтія? Что̀ мы сдѣлали и что̀ могли бы сдѣлать!» — Разсуждая объ этихъ предметахъ, Грибоѣдовъ становился грустенъ, угрюмъ, бралъ шляпу и уходилъ одинъ гулять въ поле или рощу....

Расположеніе духа Грибоѣдова еще болѣе омрачилось, когда по пріѣздѣ въ Москву ему снова пришлось почувствовать надъ собою властную руку матери, не переставшей заботиться о его карьерѣ и питать на счетъ его честолюбивые замыслы, которыхъ онъ былъ совсѣмъ чуждъ, отъ всей души желая выйти въ отставку и всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Эти заботы о сынѣ имѣли къ тому-же и своекорыстный характеръ: страсть къ блеску и жизнь не по средствамъ успѣли къ этому времени принести свои плоды, и старуха находилась въ столь критическомъ по-

ложеніи въ денежномъ отношеніи, что единственный выходъ изъ грозившей нужды полагала въ служебной карьерѣ сына. А для такой карьеры представлялся отличный случай съ ея точки зрѣнія. Какъ разъ въ это время Ермоловъ впалъ въ немилость, и на Кавказъ былъ посланъ Паскевичъ, сначала въ качествѣ лица второстепеннаго, но которое, какъ всѣмъ было извѣстно, должно было замѣнить Ермолова. Паскевичъ-же, какъ уже выше видѣли, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Грибоѣдова, и Настасья Ѳедоровна не сомнѣвалась, что онъ не упуститъ возвысить всячески своего родственника. Видя же, что сынъ противится ея планамъ, она употребила хитрость, прекрасно ее характеризующую: пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ. Вдругъ она упала передъ сыномъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить. Растроганный и взволнованный, Грибоѣдовъ далъ слово. Тогда она объявила ему, чтобъ онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу.

Данное слово, то сыновнее почтеніе, которое всегда оказывалъ Грибоѣдовъ матери, и затруднительное финансовое положеніе— заставили его согласиться на шагъ, который былъ не только противенъ его страстому желанію освободиться отъ всякой службы, — но поставилъ его въ крайне ложное нравственное положеніе и набросилъ на него не малую тѣнь. Ермоловъ былъ для Грибоѣдова болѣе чѣмъ начальникъ по службѣ: старикъ любилъ его, какъ сына, оказывая ему всяческое покровительство, и только что спасъ его отъ грозившей ему опасности, предупредивъ его заблаговременно объ арестѣ, за что и самъ онъ могъ подвергнуться отвѣтственности. Въ виду всего этого переводъ Грибоѣдова на службу къ Паскевичу, стоявшему во враждебныхъ отношеніяхъ къ Ермолову, было тяжкой измѣной не только благодѣтелю и другу, но и всѣмъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, такъ какъ не самъ-ли Грибоѣдовъ смѣялся надъ Фамусовымъ за то, что при немъ:

Служащіе чужіе очень рѣдки,
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.

Къ довершенію всего этого Грибоѣдовъ лишенъ былъ хотя бы того утѣшенія, что, поступая на службу къ Паскевичу, онъ имѣетъ въ виду начальника болѣе полезнаго и достойнаго, чѣмъ былъ Ермоловъ. Напротивъ того, онъ сознавалъ почти совсѣмъ противоположное, когда по пути на Кавказъ говорилъ Д. В. Давыдову:

— «Каковъ мой-то (зять)! Какъ, вы хотите, чтобы этотъ человѣкъ, котораго я хорошо знаю, торжествовалъ бы надъ однимъ изъ самыхъ умнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ Россіи (т. е. Ермоловымъ); вѣрьте, что *наши* его проведетъ, и этотъ, пріѣхавъ въ попыхахъ, уѣдетъ отсюда со срамомъ».

Говоря такія слова, Грибоѣдовъ выражалъ ими какъ бы свою задушевную надежду, что авось само собою все устроится такъ, что ему не придется краснѣть ни передъ другими, ни передъ своею совѣстью. Но его желаніе остаться чистымъ, не прилагая къ этому ни малѣйшихъ усилій воли съ своей стороны, увы, не сбылось, и онъ упалъ въ мнѣніи многихъ изъ своихъ современниковъ, уважавшихъ его и поклонявшихся до того времени многимъ прекраснымъ качествамъ его души. Такъ напримѣръ, вотъ что говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ между прочимъ Д. В. Давыдовъ: «Находясь съ нимъ долго въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я, болѣе чѣмъ кто нибудь, былъ глубоко огорченъ его дѣйствіями втеченіи 1826 и 1827 годовъ. Грибоѣдовъ, терзаемый подъ конецъ своей жизни бѣсомъ честолюбія, затушилъ въ сердцѣ своемъ чувство признательности къ лицамъ, не могшимъ быть ему болѣе полезными, но за то онъ не пренебрегъ никакими средствами для пріобрѣтенія полнаго благоволенія особъ, кои получили возможность доставить ему средства къ удовлетворенію его честолюбія; это не мѣшало ему, посѣщая нашъ кругъ, строго судить о своихъ новыхъ благодѣтеляхъ... Видя поведеніе Грибоѣдова, котораго я такъ любилъ, я душевно скорбѣлъ. Я сожалѣлъ, что не могъ быть въ это время вдали отъ театра его дѣятельности, потому что имѣлъ бы утѣшеніе думать, что многое преувеличено завистью и клеветой; но я къ сожалѣнію долженъ былъ лично удостовѣриться въ томъ, что душевныя свойства Грибоѣдова далеко не соотвѣтствовали его блистательнымъ умственнымъ способностямъ».

Мы не беремся рѣшить, смягчается или, напротивъ того, еще болѣе отягчается суровость этого приговора тѣмъ соображеніемъ, что на самомъ дѣлѣ даже не личное честолюбіе, какъ думалъ Давыдовъ, руководило Грибоѣдовымъ въ ложномъ шагѣ его, а насильное подчиненіе честолюбію своихъ родныхъ и безсиліе отстоять свою нравственную независимость.

Особенно тяжелое въ нравственномъ отношеніи состояніе долженъ былъ чувствовать Грибоѣдовъ по возвращеніи на Кавказъ, пока Ермоловъ не былъ еще отозванъ и раздѣлялъ власть съ Паскевичемъ. «Милый другъ мой,—пишетъ онъ объ этомъ своемъ по-

ложеніи между двумя огнями Бѣгичеву 9 дек. 1826 г.:—плохое мое житье здѣсь. На войну не попалъ, потому что и А. П. Ермоловъ туда не попалъ. А теперь другого рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія прежней дружбы. Денисъ Васильевичъ Давыдовъ этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ—человѣкъ прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ—страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него опъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоитъ. Вообще война съ персіанами самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ, посмотримъ...

«Я на досугѣ кое что пишу... Я принялъ твой совѣтъ; перестался умничать... со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ и нахожу, что это очень хорошо. Какъ нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, тифлисскаго или петербургскаго...

«Буду ли я когда нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая—отъ службы, третья—отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ статься наперекоръ судьбѣ. Поэзія!!.. Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобъ себя прославить? И наконецъ, что̀ слава? По словамъ Пушкина

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

«Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи по числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ спѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши Сардары; я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ. Voyons, ce qui en sera (Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ)»...

Въ такомъ тяжеломъ душевномъ настроеніи Грибоѣдовъ сопровождалъ своего новаго начальника Паскевича въ персидской кампаніи, начавшейся еще при Ермоловѣ нападеніемъ Аббаса-Мирзы на русскія владѣнія, и участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ и даже въ самомъ планѣ кампаніи. Вотъ что впослѣдствіи у князя В. Ѳ. Одоевскаго, въ присутствіи Кс. Полевого, разсказывалъ Гри-

боѣдовъ о своихъ ощущеніяхъ, испытанныхъ имъ тогда подъ градомъ непріятельскаго огня.

«Грибоѣдовъ утверждалъ,—по словамъ Кс. Полевого,—что власть его ограничена только физическою невозможностью; но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно, и даже сдѣлать изъ себя все. Разумѣется, говорилъ онъ, если бы я захотѣлъ, чтобы у меня былъ носъ длиннѣе или короче, это было бы глупо, потому что невозможно; но въ нравственномъ отношеніи, которое бываетъ иногда обманчиво-физическимъ для чувствъ, можетъ сдѣлать изъ себя все. Говорю такъ потому, что многое испыталъ надъ самимъ собою. Напримѣръ, въ послѣднюю персидскую кампанію во время одного сраженія мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилось подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, что убитъ. Это разлило во мнѣ такое содроганіе, что я застоналъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть я трусъ въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, чего бы не стоило, вылечить себя отъ робости, которую пожалуй припишите физическому составу, организму, врожденному чувству. Но я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мною самимъ число выстрѣловъ, и потомъ поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха—оно усилится и утвердится!!..»

Послѣ этого Грибоѣдовъ выказывалъ такую неустрашимость впродолженіи всей дальнѣйшей кампаніи, что обратилъ своею храбростью вниманіе Паскевича, который въ письмѣ къ матери Грибоѣдова извѣщалъ ее между прочимъ: «Нашъ слѣпой (т. е. близорукій) совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями да и только!.»

Война окончилась Туркменчайскимъ миромъ, слѣдствіемъ котораго было присоединеніе къ Россіи сѣверо-восточной Арменіи. Въ переговорахъ о мирѣ Грибоѣдовъ принималъ дѣятельное участіе. Онъ посѣтилъ Абасса-Мирзу въ его лагерѣ и, несмотря на всѣ уловки и увертки персидскихъ сановниковъ, презирая происки Алляръ-хана. зятя Фетхъ-Али-шаха и главнаго виновника войны,

Грибоѣдовъ привелъ переговоры къ желаемому окончанію, и 10-го февраля 1828 г. миръ былъ подписанъ. На Грибоѣдова возложилъ Паскевичъ поднесеніе Государю Туркменчайскаго договора.

На пути въ Петербургъ, проѣздомъ черезъ Москву, Грибоѣдовъ заѣзжалъ къ С. Н. Бѣгичеву часа на два и между прочимъ сообщилъ ему, что Паскевичъ спрашивалъ его: какого награжденія онъ желаетъ? «Я просилъ графа,—говоритъ Грибоѣдовъ,—представить меня только къ денежному награжденію. Дѣла матери моей разстроены; деньги мнѣ нужны; я пріѣду на житье къ тебѣ. Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался,—для меня дѣла постороннія. Призваніе мое—кабинетная жизнь. Голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать».

Тогда-же, словно нарочно для того, чтобы испить до дна горькую чашу измѣны и почувствовать весь ея ядъ, Грибоѣдовъ «имѣлъ безтактность», по собственному его выраженію, сдѣлать визитъ А. П. Ермолову. Послѣдній, еще въ бытность на Кавказѣ сѣтовавшій:—«и онъ, Грибоѣдовъ, оставилъ меня, отдался моему сопернику!»—естественно принялъ его угрюмо и холодно. Это побудило Грибоѣдова сказать Бѣгичеву: «я личный злодѣй Ермолова!» (т. е. что старикъ глядитъ на него, какъ на врага). — «Этого я себѣ простить не могу!»—говорилъ Грибоѣдовъ въ Петербургѣ нѣкоторымъ, между прочимъ П. А. Каратыгину: «что могъ подумать Ермоловъ? Точно я похвастаться хотѣлъ, а, ей Богу, заѣхалъ къ нему по старой памяти!»

Въ Петербургъ пріѣхалъ Грибоѣдовъ 14-го марта 1828 г. и остановился въ гостинницѣ Демутъ. Здѣсь ждали его самыя лестныя для всякаго другого почести: Императоръ пожаловалъ вѣстнику о мирѣ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны, алмазами украшенный, и четыре тысячи червонцевъ.

Но, осыпаемый со всѣхъ сторонъ поздравленіями друзей, любезностями знати и лестью скороспѣлыхъ поклонниковъ всякаго успѣха, Грибоѣдовъ продолжалъ чувствовать въ своей душѣ гнетущую тоску. Казалось, онъ предчувствовалъ, что всѣми этими почестями дѣло не ограничится и что дипломатическая карьера его на Востокѣ грозитъ затянуться до безконечности. А онъ такъ жаждалъ покоя, независимости и полнаго досуга, тѣмъ болѣе, что творчество пробуждалось въ немъ съ новою силою и неудержимо влекло его къ перу. Во время послѣдняго пребыванія на Кавказѣ, подъ свистомъ непріятельскихъ пуль, онъ задумалъ новое произведеніе,—на этотъ разъ трагедію въ шекспировскомъ духѣ — «Гру-

зинскую ночь». Вотъ что вспоминаетъ Булгаринъ объ этомъ новомъ предпріятіи Грибоѣдова: «Во время военныхъ и дипломатическихъ занятій Грибоѣдовъ, въ часы досуга, уносился душою въ міръ фантазіи. Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи онъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ вольными стихами съ рѣомами. Трагедію назвалъ онъ *Грузинская ночь*; почерпнулъ предметъ ея изъ народныхъ преданій и основалъ на характерѣ и нравахъ Грузинъ. Вотъ содержаніе: одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружье, чтобъ поразить князя,—и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ былъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местію. Оба гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная, какъ выше сказано, на народной грузинской сказкѣ, еслибъ была такъ кончена, какъ начата, составила-бы украшеніе не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ!...

«Н. И. Гречъ, услышавъ отрывки изъ этой трагедіи и цѣня талантъ Грибоѣдова, сказалъ въ его отсутствіи: «Грибоѣдовъ только испробовалъ перо на комедіи *Горе отъ ума*. Онъ займетъ такую

степень въ литературѣ, до которой еще никто не приближался у насъ: у него, сверхъ ума и генія творческаго, есть душа, а безъ этого нѣтъ поэзіи!»

Вообще, во время этого своего послѣдняго недолгаго пребыванія въ Петербургѣ Грибоѣдовъ, тяготясь великосвѣтскимъ обществомъ, любилъ посѣщать литературные кружки, гдѣ не разъ читалъ отрывки изъ «Грузинской ночи». Такъ, Кс. Полевой вспоминаетъ объ одномъ обѣдѣ у П. П. Свиньина, гдѣ онъ встрѣтилъ Грибоѣдова:

«Въ назначенный день—повѣствуетъ Полевой—(помню, что было на Пасхѣ) я нашелъ у гостепріимнаго Павла Петровича много людей замѣчательныхъ. Кромѣ нѣсколькихъ знатныхъ особъ, пріятелей его, тутъ былъ, можно сказать, цвѣтъ нашей литературы: И. А. Крыловъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Н. И. Гречъ и др. Грибоѣдовъ явился вмѣстѣ съ Пушкинымъ, который уважалъ его, какъ нельзя больше, и за нѣсколько дней сказалъ мнѣ о немъ: *Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи. Любопытно послушать его.* Можно судить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ я Грибоѣдова!.. Онъ былъ въ какомъ-то недовольствѣ, въ какомъ то раздраженіи (казалось мнѣ), и посреди общихъ разговоровъ отпускалъ только острыя слова. За столомъ разговоръ завязался о персіанахъ, что было очень естественно въ обществѣ Грибоѣдова, который зналъ персіанъ во всѣхъ отношеніяхъ, еще недавно разстался съ ними и готовился опять къ нимъ ѣхать. Онъ такъ живо и ловко описывалъ нѣкоторые ихъ обычаи, что Н. И. Гречъ очень кстати сказалъ при томъ, указывая на него: Monsieur est trop perçant (persan)... Вечеромъ, когда кружокъ гостей сталъ тѣснѣе, Грибоѣдовъ былъ гораздо мягче, и съ самою доброю готовностью читалъ напзусть отрывокъ изъ своей трагедіи *Грузинская ночь*, которую сочинялъ тогда»...

Черезъ нѣсколько дней К. Полевой видѣлъ Грибоѣдова на обѣдѣ у Н. И. Греча, гдѣ Грибоѣдовъ аккомпанировалъ Тази и еще какому-то итальянцу.

«Нѣкоторые,—разсказываетъ Кс. Полевой, — поздравляли его съ успѣхами по службѣ и почестями, о чемъ ярко напоминали брильянты, украшавшіе грудь поэта. Другіе желали знать, какъ онъ провелъ время въ Персіи.

— «Я тамъ состарился,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ:—не только загорѣлъ, почернѣлъ, почти лишился волосъ на головѣ, но и въ душѣ не чувствую прежней молодости!..

«За столомъ онъ не вмѣшивался въ литературные споры, чувствовалъ себя нездоровымъ и уѣхалъ вскорѣ послѣ обѣда...»

Въ маѣ Кс. Полевой зашелъ къ Грибоѣдову въ домѣ Косиковскаго на Невскомъ, въ верхнемъ этажѣ. Грибоѣдовъ жилъ среди самой простой обстановки; была одна роскошь — рояль. Заставъ свѣтскихъ гостей, говорившихъ о повышеніяхъ и пр., Полевой хотѣлъ уйти. Грибоѣдовъ уговорилъ его остаться. Гости ушли.

— «Боже мой,—сказалъ Грибоѣдовъ тогда:—чего эти господа хотятъ отъ меня? Цѣлое утро они смѣняли одинъ другого. А намъ, право, не о чемъ говорить; у насъ нѣтъ ничего общаго. Пойдемте скорѣе гулять, чтобы опять не блокировали меня. Да можно-ли идти такимъ варваромъ? прибавилъ Грибоѣдовъ, глядясь въ зеркало:—они не дали мнѣ и выбриться.

— «Кто-же станетъ замѣчать это?—сказалъ я.

— «Все равно: приличія надобно наблюдать для самого себя, но я нарушу ихъ на этотъ разъ.

«Мы отправились въ Лѣтній садъ, и разговоръ продолжался объ утреннихъ посѣщеніяхъ. Грибоѣдовъ такъ умно разсуждалъ о людяхъ, которые вдругъ неожиданно дѣлаются вѣжливы, внимательны къ человѣку, прежде совершенно чуждому для нихъ, что я, смѣясь, сказалъ ему:

— «Тѣмъ лучше, это предметъ для другого *Горя отъ ума*!

— «О, если на такіе предметы писать комедіи, то всякій день являлось-бы новое *Горе отъ ума!* Въ самомъ дѣлѣ: какъ не находить предметовъ для комедій? Они всякій день вокругъ насъ. Остается только трудъ писать.

— «Въ томъ-то и дѣло. Надобно *умѣть писать*».

Разговоръ обратился къ искусству, и Грибоѣдовъ сказалъ:

— «Многіе слишкомъ долго приготовляются, собираясь написать что нибудь, и часто все оканчивается у нихъ сборами. Надобно такъ, чтобы вздумалъ и написалъ.

— «Не всѣ могутъ такъ сдѣлать. Только Шекспиръ писалъ навѣрное.

— «Шекспиръ писалъ очень просто: немного думалъ о завязкѣ, объ интригѣ и бралъ первый сюжетъ, но обрабатывалъ его по своему. Въ этой работѣ онъ былъ великъ. А что думать о предметахъ! Ихъ тысячи и всѣ они хороши; только умѣйте пользоваться.»

Затѣмъ, совѣтуя читать Шекспира въ подлинникѣ, Грибоѣдовъ сказалъ:

— «Выучиться языку, особливо европейскому, почти нѣтъ

труда: надобно только нѣсколько времени прилежанія. Совѣстно читать Шекспира въ переводѣ, если кто хочетъ вполнѣ понимать его, потому что, какъ всѣ великіе поэты, онъ непереводимъ, и непереводимъ оттого, что національенъ. Всѣ непремѣнно должны выучиться по англійски.

«Затѣмъ Грибоѣдовъ особенно хвалилъ Шекспирову «Бурю» и находилъ въ ней красоты первоклассныя... Около того-же времени въ театрѣ было представленіе «Волшебной флейты» Моцарта и исполняли ее прескверно. Грибоѣдовъ приходилъ изъ ложи одного знакомаго семейства въ кресла и бранилъ пѣвцовъ.

– «Я ничего не понимаю: такъ поютъ они!—говорилъ онъ не разъ.—И зачѣмъ браться за Моцарта?.

— «Съ нихъ было-бы и Буальдье,—прибавилъ кто-то.

— «А что вы думаете: Буальдье достоенъ этихъ пѣвцовъ?—сказалъ Грибоѣдовъ:—онъ не геніальный, но милый и умный композиторъ; не отличается большими мыслями, но каждую свою мысль обрабатываетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. У насъ испортили его «Калифа Багдадскаго», а это настоящій брильянтикъ. Музыка Моцарта требуетъ особенной публики и отличныхъ пѣвцовъ, даже потому, что механическая часть ея не богата средствами. Но выполните хорошо музыку Буальдье — всѣ поймутъ ее. А теперь посмотрите, какъ восхищаются многіе, хоть ничего не понимаютъ! Это больше портитъ, нежели образуетъ вкусъ публики».

Приводимые Кс. Полевымъ разговоры Грибоѣдова о Шекспирѣ показываютъ, какъ сильно въ это время (замѣчательно, что почти одновременно съ Пушкинымъ) былъ увлеченъ Грибоѣдовъ великимъ британскимъ трагикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, переходъ къ трагедіи *Грузинская ночь*—былъ всецѣло плодомъ этого увлеченія. Многознаменателенъ и тотъ фактъ, что Грибоѣдовъ указывалъ особенно на *Бурю* Шекспира. Несомнѣнно подъ впечатлѣніемъ именно такихъ произведеній Шекспира, какъ «Буря» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь», Грибоѣдовъ далъ такое большое мѣсто въ своей трагедіи грузинской миѳологіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ современники, которымъ онъ читалъ свое новое произведеніе.

Тогда-же Грибоѣдовъ два раза побывалъ у стараго своего пріятеля Н. А. Каратыгина и къ этому же времени относится по всей вѣроятности непомѣченное годомъ замѣчаніе М. И. Глинки въ его запискахъ: «Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ

потомъ Пушкинъ написалъ романсъ: *Не пой, волшебница, при мнѣ...»*

Къ этому-же времени относятся и послѣднія хлопоты Грибоѣдова о постановкѣ своей комедіи на сцену. Усилія эти остались попрежнему безуспѣшны.

VI.

Назначеніе Грибоѣдова министромъ-резидентомъ въ Персію.—Путешествіе на Кавказъ.—Участіе въ кампаніи Паскевича.—Женитьба Грибоѣдова на Нинѣ Александровнѣ Чавчевадзе.—Отправленіе въ Тегеранъ.—Раздраженіе персіанъ противъ русскаго посольства и его причины.—Мятежъ и избіеніе миссіи.—Погребеніе.—Судьба вдовы Грибоѣдова.

Не удалось Грибоѣдову получить и столь страстно и давно желаемое освобожденіе отъ службы. Вмѣсто этого министръ иностранныхъ дѣлъ отнесся къ нему съ предложеніемъ ѣхать въ Персію въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Желая отдѣлаться отъ такой миссіи, Грибоѣдовъ пустился въ разъясненія, что Россіи необходимо имѣть въ Персіи полномочнаго посла, чтобы не уступать шагу англійскому послу. Онъ дѣлалъ это въ увѣренности, что такимъ способомъ онъ отвратитъ надвигавшуюся на него тучу, такъ какъ на такую высокую должность назначатъ человѣка, чиновнѣе его. Министръ же улыбнулся на доводы Грибоѣдова и замолчалъ, полагая, что Грибоѣдовъ желаетъ имѣть титулъ посла по честолюбію. И вотъ черезъ нѣсколько дней, именно 15-го апрѣля, Грибоѣдовъ былъ приглашенъ къ министру и ему объявлено было назначеніе министромъ-резидентомъ въ Персію и при немъ первымъ секретаремъ назначенъ Мальцевъ, вторымъ—Аделунгъ. Амбургеръ сдѣланъ генеральнымъ консуломъ въ Таврпзѣ и при немъ секретаремъ — Ивановъ. Послѣ этого назначенія на душѣ Грибоѣдова наступила черная ночь, и онъ весь преисполнился зловѣщими предчувствіями. Такъ, тотчасъ же отъ министра онъ отправился къ Жандру и, извѣщая его о назначеніи, замѣтилъ: «Насъ тамъ всѣхъ перерѣжутъ. Аллаяръ-ханъ личный мой врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркменчайскаго трактата!..»

То же самое говорилъ Грибоѣдовъ передъ отъѣздомъ Кс. Полевому: —«Я уже столько знаю персіанъ, что для меня они потеряли свою поэтическую сторону. Вижу только важность и трудность своего положенія среди нихъ, и главное, не знаю самъ, отчего мнѣ

удивительно грустно ѣхать туда! Не желалъ бы я увидѣть этихъ старыхъ моихъ знакомыхъ!»

Въ первыхъ числахъ іюня Грибоѣдовъ выѣхалъ наконецъ изъ Петербурга, чтобы никогда уже болѣе не возвращаться въ него.

«Грустно провожали мы Грибоѣдова,—разсказывалъ А. А. Жандръ.—До Царскаго села провожали только двое: А. В. Всеволожскій и я. Вотъ въ какомъ мы были тогда настроеніи духа: у меня былъ прощальный завтракъ; накурили, надымили страшно, наконецъ толпа схлынула, мы остались одни. День былъ пасмурный и дождливый. Мы проѣхали до Царскаго села и ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова. Въ Царскомъ селѣ Грибоѣдовъ велѣлъ, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру, подать бутылку бургонскаго, которое онъ очень любилъ, бутылку шампанскаго и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконецъ простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску; мы видѣли, какъ она повернула за уголъ улицы, возвратились съ Всеволожскимъ въ Петербургъ и во всю дорогу не сказали другъ съ другомъ ни одного слова,—рѣшительно ни одного!»

Въ Тулѣ Грибоѣдовъ пробылъ три дня у Бѣгичева и былъ очень мраченъ. С. Н. Бѣгичевъ замѣтилъ ему это, и Грибоѣдовъ, взявши его за руку, сказалъ съ глубокой горестью:

— «Прощай, братъ Степанъ! Врядъ ли мы съ тобой увидимся!..

— «Къ чему эти мысли?—возразилъ Бѣгичевъ:—ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ.

— «Я знаю персіанъ,— отвѣчалъ Грибоѣдовъ:—Аллаяръ-ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ персіанами мира!»

Съ Екатериограда началось путешествіе Грибоѣдова съ своими подчиненными Мальцевымъ и Аделунгомъ. Въ Екатериноградѣ они имѣли задержку по случаю найма лошадей и ожиданія конвоя. Вечеромъ Грибоѣдовъ съ Аделунгомъ отправились полюбоваться панорамой Кавказскихъ горъ. Грибоѣдовъ былъ въ восхищеніи и поминутно восклицалъ: «comme c'est beau, comme c'est magnifique!» «Мы возвратились,—пишетъ Аделунгъ,—вдоль Малки, которая здѣсь довольно быстра. Въ этотъ очаровательный вечеръ я еще сильнѣе полюбилъ Грибоѣдова: какъ онъ умѣетъ наслаждаться природой, какъ онъ симпатиченъ и добръ!»

Іюня 30-го Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Екатеринодара съ конвоемъ изъ 20 линейныхъ казаковъ и на другой день прибылъ во Владикавказъ, гдѣ угощался у полковницы Огаревой.

Іюля 2-го Грибоѣдовъ двинулся изъ Владикавказа въ Тифлисъ,

съ платою за пару до Тифлиса 90 р. Отъ Ларса поѣхали верхомъ и 3-го числа добрались до Казбека, затѣмъ въ Коби встрѣтилъ Грибоѣдова маіоръ Чиляевъ, у котораго и обѣдали. Выѣхали въ сумерки, но возвратились, ибо донесено о выѣздѣ 300 разбойниковъ. Въ Анапурѣ 4-го іюля Грибоѣдовъ принужденъ былъ, спасаясь отъ блохъ, спать въ коляскѣ.

Въ Душетѣ, въ домѣ путейскаго полковника, у котораго Грибоѣдовъ пилъ чай, къ нему явились съ привѣтствіемъ мѣстные чиновники, облекшіеся по этому случаю въ полную парадную форму и представлявшіе собою довольно комическіе типы.

Пріѣхавъ въ Гартискари, Грибоѣдовъ расположился обѣдать на коврѣ, разостланномъ подъ густой сѣнью стараго дуба. На этой станціи, послѣдней на пути его къ Тифлису, онъ былъ встрѣченъ многими, выѣхавшими изъ города верхомъ и на дрожкахъ, чиновниками, число которыхъ при дальнѣйшемъ его слѣдованіи все увеличивалось. Наконецъ около 9 ч. вечера Грибоѣдовъ прибылъ въ городъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ гр. Паскевичемъ, въ нарочно приготовленныхъ для него комнатахъ.

Въ Тифлисѣ Грибоѣдова ожидало великое событіе, озарившее яркимъ свѣтомъ послѣдніе дни его жизни, напомнивъ въ этомъ отношеніи извѣстные два стиха элегіи Пушкина:

И можетъ быть на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Имѣя большой успѣхъ среди женщинъ, Грибоѣдовъ до тѣхъ поръ не испыталъ еще ни одной глубокой и сильной привязанности. По словамъ А. А. Бестужева, Грибоѣдовъ не любилъ женщинъ. «Женщина есть мужчина-ребенокъ», было его мнѣніе. Слова Байрона: «дайте имъ пряникъ да зеркало—и онѣ будутъ совершенно довольны», ему казались весьма справедливыми. «Чему отъ нихъ можно научиться?—говаривалъ онъ.—Онѣ не могутъ быть ни просвѣщенны безъ педантизма, ни чувствительны безъ жеманства. Разсудительность ихъ сходитъ въ недостойную разсчетливость и самая чистота нравовъ — въ нетерпимость и ханжество. Онѣ чувствуютъ живо, но не глубоко. Судятъ остроумно, только безъ основанія, и, быстро схватывая подробности, едва ли могутъ постичь, обнять цѣлое. Есть исключенія, за то онѣ рѣдки; и какой дорогой цѣной, какой потерею времени должно покупать приближеніе къ этимъ феноменамъ! словомъ, женщины сносны и занимательны только для влюбленныхъ... Онѣ предназначены самой природою для мелочей домашней жизни, равно по силамъ тѣлеснымъ, какъ

и умственнымъ. Надобно, чтобъ онѣ жили больше для мужей и дѣтей своихъ, чѣмъ невѣстились и ребячились для свѣта. Еслибъ мельница дѣлъ общественныхъ меньше вертѣлась отъ вѣеровъ, дѣла шли бы прямѣе и единообразнѣе; мѣста не доставались бы по прихотямъ и связямъ родственнымъ, или меценатовъ въ чепчикахъ, всегда готовыхъ увлекаться наружностью лицъ и вещей; покой браковъ былъ бы прочнѣе, а дѣти умнѣе и здоровѣе. Сохрани меня Богъ, чтобъ я желалъ лишить дѣвицъ воспитанія, напротивъ, заключивъ ихъ въ кругу тѣснѣйшемъ, я бы желалъ дать имъ познанія о вещахъ, гораздо основательнѣе нынѣшнихъ».

При такихъ взглядахъ на женщинъ какъ нельзя болѣе естественно, что Грибоѣдовъ предпочелъ въ качествѣ своей суженой женщину востока тѣмъ великосвѣтскимъ жеманницамъ своего времени, какихъ онъ олицетворилъ въ лицѣ Софьи Фамусовой. Жена его Нина Александровна была урожденная княжна Чавчавадзе, старинаго рода грузинскихъ князей, въ особенности выдвинувшихся впередъ за послѣднія два царствованія царей грузинскихъ Ираклія II и Георгія XII.

Отецъ Нины Александровны, единственный сынъ Герсевана Чавчавадзе, заботамъ котораго Грузія была обязана присоединеніемъ къ Россіи, князь Александръ, родился въ Петербургѣ, былъ крестникомъ императрицы Екатерины, получилъ прекрасное по тогдашнему образованіе и, вступивъ въ военную службу, участвовалъ въ войнѣ 1812 года. Перейдя затѣмъ въ кавказскія войска, занималъ видные административные посты и съ замѣчательными качествами общественнаго дѣятеля соединялъ горячую любовь къ своей родинѣ и блестящее дарованіе поэта. Не говоря о многихъ оригинальныхъ его произведеніяхъ, можно указать на нѣсколько элегій и стансовъ Пушкина, прелестно переложенныхъ имъ на грузинскій языкъ; къ нимъ тогда-же приложены были напѣвы грузинскіе, и до сихъ поръ они остаются любимыми романсами грузинскихъ дѣвушекъ. По главная заслуга князя Александра заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ домъ свой сдѣлать прочнымъ звеномъ между обществомъ грузинскимъ и русскими людьми, ѣхавшими служить на Кавказъ. Владѣющій въ совершенствѣ своимъ роднымъ языкомъ настолько-же, какъ и русскимъ, уважаемый и любимый русскими и туземцами, князь былъ не только прекраснымъ толмачемъ между двумя національностями, но и живымъ проводникомъ ихъ полнаго сліянія. Въ домѣ его царило широкое гостепріимство, а хозяинъ и хозяйка носили на себѣ ту особенную печать радушія, которая памятна и до сихъ

поръ старикамъ, проведшимъ юность свою въ Тифлисѣ. Князь Александръ довершалъ въ полной мѣрѣ дѣло, начатое его отцомъ. Герсеванъ политически пріурочилъ Грузію Россіи, а сынъ его, благодаря своему характеру, сблизилъ грузинъ съ русскими. Всякій русскій, занесенный на дальнюю чужбину, дышалъ у него роднымъ воздухомъ; всякій грузинъ шелъ къ нему съ душою на распашку; тутъ они встрѣчались, знакомились и научались понимать и любить другъ друга.

Переведенный въ 1822 году изъ Персіи въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ въ свою очередь не могъ не познакомиться съ домомъ Чавчавадзе. Онъ вскорѣ близко сошелся съ княземъ Александромъ, который, какъ самъ поэтъ, болѣе другихъ могъ понять и оцѣнить его личность, и между ними установилась самая искренняя и теплая дружба. На глазахъ Грибоѣдова росла и воспитывалась старшая дочь князя Чавчавадзе, Нина (родившаяся въ 1812 г., ноября 4); онъ былъ зачастую репетиторомъ ея уроковъ музыки; она привыкла не считать его чужимъ, не стѣснялась съ нимъ въ дѣтской своей бесѣдѣ, тѣмъ самымъ обнаруживая всѣ прекрасныя качества своихъ способностей и характера, и въ первую пору своего полнаго расцвѣта вызвала въ душѣ его сильное и глубокое чувство любви, присущее лишь человѣку, вступавшему въ возрастъ зрѣлости. Грибоѣдовъ женился, когда ему было 33 года, а Нинѣ Александровнѣ не было еще и шестнадцати. Она была въ полномъ смыслѣ красавица: стройная, граціозная брюнетка, съ чрезвычайно пріятными и правильными чертами лица, съ темнокарими глазами, чарующими всѣхъ добротою и кротостью. Грибоѣдовъ иначе не называлъ ее, какъ Мадонной Мурильо.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ Грибоѣдовъ отправился первымъ дѣломъ въ главную квартиру Паскевича, ведшаго въ то время успѣшно турецкую войну и только-что взявшаго Карсъ. Оттуда онъ вернулся въ Тифлисъ; тамъ снова увидѣлся съ любимой дѣвушкой и тотчасъ-же приступилъ къ сватовству. Вотъ какъ описываетъ онъ это обстоятельство въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину 24 іюня 1828 г.:

«Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старинной пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки *), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойство-ли другого рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣши-

*) Леночка — жена Ѳ. Булгарина.

тельность необычайную; выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери, Прас. Ник. Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нея на губахъ во всю ночь и весь день, отправилъ курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ.

«Между тѣмъ вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мной случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала насъ всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано, графъ оставилъ Карскій пашалыкъ, а въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего пріѣзда была жаркая стычка у Басова Черноморскаго полка въ горахъ, за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ ротъ 7-го Карабинернаго и 100 человѣкъ выздоровѣвшихъ,— все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знали, куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія; коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцевъ въ восхищеніи, воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

«Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзева-отца изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви...»

Затѣмъ въ письмѣ Булгарину 8-го сентября 1828 года онъ пишетъ:

«Дорогой мой Ѳадей. Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда въ Тифлисъ, 6-го августа занемогъ желтой лихорадкой. Къ 22-му получилъ облегченіе. Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцомъ уже, опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха; я

такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что думаю, капли крови здоровой во мнѣ не осталось».

Бракосочетаніе состоялось 22 авг. вечеромъ, послѣ обѣда въ честь Грибоѣдова у Сипягина. Присутствовало на свадьбѣ 50 человѣкъ. Вѣнчаніе происходило въ Сіонскомъ соборѣ, причемъ Грибоѣдовъ въ припадкѣ лихорадки потерялъ одно обручальное кольцо. Изъ собора всѣ отправились на новую квартиру Грибоѣдова, гдѣ состоялся ужинъ. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ празднествъ. Такъ, 24-го былъ обѣдъ у новобрачныхъ на 100 человѣкъ, и послѣ обѣда танцы длились до 11 часовъ, а въ воскресенье 26-го былъ балъ у Сипягина, который открылъ его польскимъ съ новобрачной, и танцы длились до 4-хъ часовъ утра.

Наконецъ 9-го сентября Грибоѣдовъ выѣхалъ со всею своею свитою, съ молодою супругою и тещею изъ Тифлиса на мѣсто своего служенія, при торжественныхъ проводахъ, сопровождаемыхъ звуками полковой музыки... Путь лежалъ черезъ Коды, Шулаверы, Гергеры и Амамлы на Эривань. Изъ Эчміадзина Грибоѣдовъ писалъ своей пріятельницѣ Вар. Сем. Миклашевичъ между прочимъ слѣдующее:

«Другъ мой Варвара Семеновна! Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать; знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не пеняйте-же на долгое мое молчаніе, милый другъ, видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, кочуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ-бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, кадильемъ etc., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое помышленіе о васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моей лѣнью...»

«Какъ это случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда!» — Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала, ни къ чему, — доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь броситься въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла

можетъ быть навсегда, и какъ ни мило, какъ ни утѣшительно дѣлать все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Троспера и Купперову «Prairie»,—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мною сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ».

«...Наконецъ послѣ тревожнаго дня вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки, Murillo,—вотъ она. Въ Эривани Нина Александровна увидѣлась и простилась съ отцомъ, который не былъ у нея на свадьбѣ».

Сентября 25-го поѣхали дальше, при чемъ Грибоѣдовъ, проѣзжая черезъ Эривань, говорилъ женѣ, шутя: «Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ Св. Давида».

Октября 7-го прибыли въ Тавризъ, гдѣ должна была остаться Нина Александровна, нашедшая пріютъ въ англійскомъ консульствѣ за время отсутствія мужа.—Здѣсь Грибоѣдовъ пробылъ до 4 или 5 декабря и затѣмъ отправился далѣе, навѣки простясь со своею супругою.

И вотъ съ первыхъ-же дней путешествія по персидской территоріи, совмѣстно съ персидскою свитою, начались недоразумѣнія, не обѣщавшія ничего добраго. Русская свита, состоявшая изъ 16 казаковъ и 30 чел. прислуги изъ магометанъ, русскихъ, грузинъ и армянъ,—была безъ всякаго надзора и своимъ поведеніемъ раздражала персидскую свиту. Хозяйствомъ завѣдывалъ Рустемъ-бекъ, получившій отъ персіанъ на ежедневное продовольствіе посольства натурою—всего на сумму до 75 червонцевъ въ сутки. Провизія собиралась персіанами натурою съ народа, при проѣздѣ, и если какихъ припасовъ не оказывалось въ какой деревушкѣ, Рустемъ-бекъ требовалъ деньгами и во весь путь собралъ такимъ образомъ болѣе 200 черв. Персіане были крайне недовольны этимъ,

полагая, что это дѣлается съ вѣдома Грибоѣдова, а Грибоѣдовъ узналъ объ этомъ уже близъ Тегерана, когда въ одномъ селеніи Рустемъ-бекъ прибилъ старика за то, что тотъ давалъ ему 9 червонцевъ вмѣсто 14. Грибоѣдовъ тогда же не велѣлъ собирать денегъ и обѣщалъ на обратномъ пути возвратить все собранное, но Рустема оставилъ при себѣ.

Во всѣхъ городахъ посольство встрѣчали съ почетомъ. Высшіе начальники со свитою выѣзжали на встрѣчу и подносили цѣнные подарки. Грибоѣдовъ же никому подарковъ не дѣлалъ и давалъ только по 1 или по 2 черв. хозяину дома, гдѣ останавливался. Погода была дурная, снѣгъ глубокъ, дороги плохи, и персіане крайне возмущались трудностями и опасностями пути; къ тому же лошади безпрестанно падали и неоднократно забирали новыхъ у жителей или отымали у проѣзжихъ.

Въ Казвинѣ едва не случилась непріятность, могшая имѣть дурныя послѣдствія. Грибоѣдовъ, встрѣченный министромъ Мирзой-ханомъ съ депутаціей и свитой, былъ у него на обѣдѣ, а въ это время Рустемъ-бекъ, узнавъ, что одинъ изъ слугъ послѣдняго эриванскаго губернатора изъ персіанъ привезъ оттуда молоденькую нѣмку, сталъ ее требовать, и узнавъ, что она продана одному сеиду (потомку Пророка), и несмотря на то, что она была уже женою этого сеида и имѣла двухъ дѣтей, явился къ нему съ казаками, вытащилъ на площадь и велѣлъ бить палками, требуя освобожденія женщины. Народъ взволновался, но Мирза-Набби успѣлъ остановить экзекуцію, уговорилъ сеида привести жену съ дѣтьми и сказалъ Грибоѣдову объ этомъ; а онъ, узнавъ, что нѣмка не желаетъ возвратиться въ Грузію, отпустилъ ее къ мужу. На другой-же день русскимъ удалось возратить семилѣтнюю дѣвочку, несмотря на упорство персіанъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, не могло повліять благопріятно на персіанъ, возбуждая неудовольствіе населенія и властей, и молва объ этомъ дошла до Тегерана конечно еще до пріѣзда Грибоѣдова, а потомъ была подтверждена съ преувеличеніями сопровождавшими посольство персіанами.

Посольство приблизилось къ Тегерану въ злополучное, по мнѣнію персіанъ, время, ибо солнце было въ созвѣздіи Скорпіона, и въ первые-же дни вступленія въ отправленіе своихъ посольскихъ обязанностей Грибоѣдовъ обнаружилъ, что взялся за дѣло, совсѣмъ ему не подходящее. Не говоря уже о томъ, что странно было бы и ждать дипломатическихъ добродѣтелей вродѣ такта, уступчи-

вости, вкрадчивости, хитрости, притворства отъ того яркаго олицетворенія моднаго въ то время байроновскаго типа, какимъ представлялся Грибоѣдовъ съ его самолюбіемъ, гордостью и заносчивостью; къ тому же во время прежней еще миссіи и затѣмъ въ военномъ лагерѣ Паскевича онъ былъ крайне озлобленъ на персіанъ и предубѣжденъ противъ нихъ, и у него составилось такое убѣжденіе, что чѣмъ болѣе кто церемонится съ ними, тѣмъ они хуже, а надо оказывать къ нимъ полное пренебреженіе, обращаться съ ними высокомѣрно, съ непреклонной настойчивостью и только такимъ образомъ можно поддержать достоинство и честь русскаго имени.

Въ силу этого убѣжденія, Грибоѣдовъ въ первые же дни пребыванія въ Тегеранѣ на всякомъ шагу нарушалъ персидскіе этикеты и ни мало не заботился о ихъ соблюденіи. Такъ, на первой-же аудіенціи онъ просидѣлъ часъ передъ шахомъ, возсѣдавшимъ въ коронѣ и тяжелой одеждѣ, унизанной драгоцѣнными камнями, и шахъ очень былъ утомленъ столь долгимъ визитомъ. Во второй аудіенціи Грибоѣдовъ опять просидѣлъ очень долго, такъ что шахъ въ утомленіи прекратилъ аудіенцію словами: «мураххасъ» (отпускъ). Грибоѣдовъ счелъ это оскорбленіемъ и обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ съ рѣзкой нотой о неумѣстности этого выраженія. Объясненіемъ министра онъ не удовлетворился, а тотъ съ своей стороны замѣтилъ Грибоѣдову объ употребленіи имъ въ корреспонденціяхъ званія шаха безъ титуловъ.

Между тѣмъ какъ Грибоѣдовъ препирался такимъ образомъ съ шахомъ и его министрами, слуги его имѣли безпрестанныя столкновенія съ персіанами. Такъ напр., слуги одного персіанина избили дядьку Грибоѣдова, Александра Грибова, а у одного казака разбили бутылку съ водкой, за что виновный былъ строго наказанъ. На посольскую прислугу всѣ жаловались, особенно на бывшихъ въ ея числѣ армянъ и грузинъ. Все это съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обостряло непріязнь персовъ противъ посольства. Особенное же вліяніе на это имѣли истребованія послапникомъ русскихъ подданныхъ, взятыхъ въ плѣнъ и нерѣдко проданныхъ и перепроданныхъ въ другія руки, причемъ владѣльцы не получали никакого вознагражденія. Дошло дѣло до такого явнаго озлобленія, что одинъ изъ офицеровъ побоялся продать Мальцеву лошадь, «опасаясь немилости шаха».

День отъѣзда посольства былъ уже назначенъ, и шахъ прислалъ Грибоѣдову орденъ Льва и Солнца 1-й степени, ордена для

секретарей и богатые подарки посланнику и всей свитѣ, даже казакамъ серебряныя медали. На другой день была прощальная аудіенція, въ которой шахъ опять употребилъ слово «мураххасъ». Замѣчено было также, что ему непріятно слишкомъ развязное обращеніе Грибоѣдова въ его присутствіи и упорство сидѣть передъ его величествомъ.

Каплею же, переполнившей чашу, послужило столкновеніе съ персидскимъ правительствомъ изъ за армянина Мирза-Якуба, который долгое время жилъ уже въ Персіи, завѣдывая въ качествѣ главнаго евнуха гаремомъ шаха. За нѣсколько дней до назначеннаго срока отъѣзда посольства, Мирза-Якубъ явился въ посольство и заявилъ о своемъ желаніи возвратиться въ Россію. Грибоѣдовъ принялъ участіе въ немъ, но персидское правительство тѣмъ энергичнѣе начало сопротивляться противъ возвращенія Якуба въ Россію, что послѣдній былъ много лѣтъ казначеемъ и главнымъ евнухомъ и поэтому зналъ всѣ тайны гарема и семейную жизнь шаха, которыя могли огласиться.

Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возопилъ, какъ будто случилось величайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; говорили, что евнухъ то же, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отнялъ жену у шаха; взвели на Якуба огромныя денежныя требованія, говоря, что онъ обворовалъ казну шаха и потому отпущенъ быть не можетъ, такъ какъ по волѣ шаха онъ долженъ быть подвергнутъ духовному суду. Между тѣмъ Грибоѣдовъ продолжалъ прилагать неусыпное стараніе объ освобожденіи находившихся въ Тегеранѣ плѣнныхъ. Двѣ плѣнныя армянки были приведены къ нему отъ Аллах-Яр-хана; Грибоѣдовъ допросилъ ихъ, и когда онѣ объявили желаніе ѣхать въ свое отечество, онъ оставилъ ихъ въ домѣ миссіи, чтобы потомъ отправить по принадлежности,— и одно присутствіе двухъ женщинъ среди мужского населенія посольскаго дома произвело на персіанъ впечатлѣніе неслыханнаго скандала. Между тѣмъ до свѣдѣнія главы духовенства муджтехида Мирзы-Месеиха дошло, что Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. «Какъ!—говорилъ муджтехидъ,—этотъ человѣкъ двадцать лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, надругается надъ нашею вѣрою; онъ—измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!» Также о женщинахъ доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ посольскомъ домѣ и принуждаютъ отступиться отъ мусульманской вѣры.

Мирза-Мессихъ отправилъ ахундовъ къ Шахзадэ-Залли-султану. Они сказали ему: «Не мы писали мирный договоръ съ Россіею, и не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непремѣнно возвратили плѣнныхъ». Залли-султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всемъ донести шаху. Ахунды пошли домой и дорогой говорили народу: «запирайте завтра базаръ и собирайтесь въ мечетяхъ: тамъ услышите наше слово!» Вотъ какъ далѣе повѣствуетъ о событіяхъ слѣдующаго дня единственный оставшійся въ живыхъ секретарь посольства Мальцевъ:

«Наступило роковое 30-е число января. Базаръ былъ запертъ. съ самаго утра народъ собирался въ мечети. «Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!» — грузина, находившагося въ услуженіи у посланника. Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и кидали каменья. Я видѣлъ, какъ въ то время пробѣжалъ черезъ дворъ коллежскій ассессоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ Грибоѣдову дядею его Манучерръ-ханомъ; народъ кидалъ въ него каменьями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворы, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крыши были уставлены свирѣпствующей чернью, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сардары (солдаты) наши не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которыя были складены на чердакѣ и уже растащены народомъ. Съ часъ казаки наши отстрѣливались, тутъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать пистолеты пулями, когда видѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать нашихъ людей. Около 15 человѣкъ изъ чиновниковъ и прислуги собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ русскимъ: всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрѣлами и кинжальными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ: я видѣлъ, какъ персіане выносили на дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссіи—все было разграблено...»

Всего убито было тогда 37 человѣкъ русскихъ и 19 тегеранскихъ жителей. На другой или на третій день послѣ этого побоища

изуродованные трупы убитыхъ были вывезены за городскую стѣну, брошены тамъ въ одну кучу и засыпаны землею безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Спустя немного времени, тѣло Грибоѣдова было отрыто, причемъ такъ было изуродовано, что онъ могъ быть узнанъ лишь по сведенному пальцу! Положивши въ простой гробъ, покойнаго отправили въ Россію.

30-го апрѣля прахъ Грибоѣдова привезли въ Гергеры, гдѣ гробъ его видѣлъ А. С. Пушкинъ, упоминающій объ этомъ въ своемъ путешествіи въ Эрзерумъ. На другой день тѣло было уже въ Нахичевани, и вотъ что писалъ Амбургеръ Паскевичу о встрѣчѣ и проводахъ останковъ покойнаго:

«1-го мая, которое всегда приноситъ съ собою радость и веселіе, было для насъ днемъ грусти и печали. Въ этотъ день наконецъ тѣло покойнаго нашего полномочнаго министра въ Персіи было перевезено черезъ Араксъ. Генералъ-маіоръ Мерлини, полковникъ Эксанъ-ханъ и многіе чиновники поѣхали на встрѣчу онаго; впередъ былъ посланъ изъ Аббасъ-Абади священникъ, одинъ батальонъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка съ 2-мя полевыми орудіями, какъ и здѣсь приготовленный балдахинъ.

«Когда мы встрѣтили тѣло, батальонъ выстроился въ два ряда. Гробъ, содержавшій бренные останки покойнаго Грибоѣдова, находился въ тахтпреванѣ, сопровождаемомъ 50-ю конными, подъ начальствомъ Кенб-Али-султана, который остановился по серединѣ. Когда вынули гробъ изъ тахтпревана и увѣрились, сколько возможно, что онъ содержитъ тѣло покойнаго министра, отдали ему воинскую честь и отпѣли вѣчную память, послѣ чего положили его въ гробъ, здѣсь приготовленный, и поставили на дроги подъ балдахинъ. Скомандовали «на погребеніе»—и тихо, и величественно началось траурное шествіе при звукахъ печальной музыки.

«Дроги, везомыя шестью лошадьми, накрытыми траурными попонами и ведомыя людьми въ траурныхъ мантіяхъ и шляпахъ, которыхъ было кромѣ сихъ 12 человѣкъ, шедшіе съ факелами по обѣ стороны гроба, балдахинъ, хорошо убранный, —все это произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, даже на персіанъ.

«Кромѣ священника русскаго, выѣхало на-встрѣчу покойному все духовенство армянское подъ начальствомъ архіерея Парсеха, что еще болѣе придавало величія печальному шествію. Такимъ образомъ достигли Аланджи-чая, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

«2-го мая шествіе продолжалось. Когда начинали приближаться къ городу, то вышли на-встрѣчу генералъ-маіоръ Мерлини, полковн.

Эксанъ-ханъ, подполк. Аргутинскій, маіоръ Носковъ, я и переводчикъ Ваценко и всѣ военные и статскіе чиновники, которые находились въ Нахичевани, и всѣ уже слѣдовали за гробомъ до церкви. Здѣсь офицеры сняли гробъ съ дрогъ и внесли въ церковь, откуда по отслуженіи панихиды и отпѣтіи вѣчной памяти всѣ удалились.

«Народу было неимовѣрное множество; мужчины, женщины и дѣти, всѣ кажется принимали живѣйшее участіе въ злополучной участи покойнаго и нерѣдко слышны были между ними громкія рыданія. Женщины до самаго вечера не отходили отъ церкви; только надобно замѣтить, что это по большей части были армяне, и такое участіе конечно дѣлаетъ честь сему народу.

«На другое утро, 3-го мая, всѣ, которые участвовали прошедшаго дня въ церемоніи, опять собрались въ церковь, отслужили обѣдню, послѣ которой архіерей армянскій Парсехъ говорилъ рѣчь; по окончаніи оной отслужилъ панихиду и отпѣлъ вѣчную память. Тутъ офицеры Тифлисскаго пѣхотнаго полка поперемѣнно со всѣми присутствующими вынесли гробъ, пронесли оный посреди въ двухъ рядахъ выстроеннаго войска, которое отдало воинскую честь, и поставили на дроги, и шествіе опять тихо подвигалось впередъ. Стеченіе народа было еще большее, нежели 2-го числа; трудно было вѣрить, что Нахичевань содержитъ въ себѣ такое огромное народонаселеніе. Всѣ находившіеся въ церкви, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры провожали покойнаго до второго источника по живописной дорогѣ. Здѣсь сняли гробъ съ дрогъ, войско сформировало каре вокругъ онаго, и священникъ русскій отслужилъ панихиду и отпѣлъ вѣчную память; послѣ чего мы всѣ простились съ покойнымъ, прикладываясь ко кресту на гробѣ его. Исполнивъ такимъ образомъ послѣдній долгъ и отдавъ послѣднюю честь покойному, всѣ возвратились въ городъ.

«Пріятно и трогательно было видѣть живое участіе, которое всѣ принимали въ несчастной кончинѣ покойнаго Грибоѣдова, и это ясно доказываетъ, что кто хотя только одинъ разъ съ нимъ повстрѣчался, уже не могъ забыть его.

«Долго еще толпы народа съ печальными лицами стояли на высотахъ, окружающихъ городъ, и весьма медленно разсыпались....»

Между тѣмъ Нина Александровна, ничего не зная о страшной катастрофѣ съ мужемъ, жила въ Тавризѣ полною затворницею, не смѣя показаться на улицахъ, такъ какъ это было-бы соблазномъ для мусульманокъ. Единственное утѣшеніе находила она въ семействѣ англійскаго консула, жена и дочери котораго полюбили ее, какъ род-

ную, и разсѣивали скуку ея музыкой, чтеніемъ, рукодѣліями, бесѣдою. Кромѣ того у Нины Александровны гостилъ родственникъ ея, отставной драгунскій капитанъ князь Романъ Чавчевадзе, носившій когда-то ее на рукахъ, любившій ее, какъ родную дочь, и присланный сюда ея отцомъ, въ качествѣ пестуна, имѣющаго необыкновенный даръ вносить съ собой всюду веселость и смѣхъ своимъ юморомъ и остроумными затѣями. Грибоѣдовъ любилъ его безъ памяти, былъ давнишнимъ его пріятелемъ и, уѣзжая въ Тегеранъ, былъ покоенъ за жену, оставляя ее на такихъ рукахъ.

Но при всемъ томъ разлука съ мужемъ все болѣе и болѣе становилась тягостною для Нины Александровны, и особенно въ положеніи беременности. Прошелъ мѣсяцъ... было нѣсколько писемъ, сулившихъ скорое возвращеніе, и затѣмъ они прекратились. Объясняли это скверными дорогами Персіи, неустройствомъ почтовыхъ сообщеній и т. п., и вдругъ пришло извѣстіе о катастрофѣ.

Отъ Нины Александровны поспѣшили скрыть бѣду: спасшійся Мальцевъ, привезшій извѣстіе, по наставленію князя Романа, увѣрилъ Нину Александровну, что Грибоѣдовъ здоровъ, но до того занятъ, что не имѣлъ времени написать къ ней ни строчки, а поручилъ ему передать ей на словахъ, что дѣла задержатъ его въ Тегеранѣ надолго, и потому онъ проситъ ее возвратиться въ Тифлисъ къ своей матушкѣ и ожидать тамъ его пріѣзда. Нина Александровна колебалась и не знала, на что рѣшиться. Но письмо отъ отца, подтверждающее слова Мальцева и извѣщавшее, что онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Джульфу, заставило ее склониться на поѣздку.

До Тифлиса довезли ее благополучно и сдали на руки матери. Между тѣмъ время шло, а писемъ отъ мужа по прежнему не было. Тревога Нины Александровны росла съ каждымъ днемъ болѣе и наконецъ случай раскрылъ ей истину. Однажды къ ней заѣхала жена Паскевича и, заставъ ее наединѣ, стала говорить объ отсутствующемъ Грибоѣдовѣ и о молчаніи его, запуталась въ своихъ словахъ подъ учащенными вопросами встревоженной Нины Александровны и кончила тѣмъ, что, расплакавшись, раскрыла несчастной женщинѣ такъ долго скрываемое отъ нея. Съ тою сдѣлался страшный истерическій припадокъ, и на другой день она разрѣшилась недоношеннымъ ребенкомъ.

Тѣло Грибоѣдова прибыло наконецъ въ Тифлисъ, гдѣ и было предано землѣ близъ церкви св. Давида, согласно желанію Грибоѣдова, 18 іюня 1829 г. На похороны Грибоѣдова было истрачено всего (съ перевезеніемъ тѣла изъ Тегерана въ Тифлисъ) 210 чер-

вонцевъ и 2,366 р. Сумма эта по высочайшему повелѣнію была принята на счетъ государственнаго казначейства.

На могилѣ мужа Нина Александровна поставила часовню, а въ ней—памятникъ, изображающій молящуюся и плачущую передъ распятіемъ женщину — эмблему ея самой; на памятникѣ слѣдующая надпись: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

Награжденная щедрою пенсіею (сверхъ 30 т. р. асс. единовременнаго пособія ей была назначена пенсія въ 5 т. р. асс.; а въ 1849 г., по ходатайству кн. М. С. Воронцова, пенсія была увеличена на 570 р. 50 к., такъ что, вмѣсто прежнихъ 5,000 р., она стала получать по 2,000 р. сер.),—шестнадцатилѣтняя вдова до смерти осталась вѣрна памяти мужа и, отклоняя всѣ блестящія предложенія, посвятила жизнь родпымъ, друзьямъ, знакомымъ и сдѣлала изъ нея одно сплошное благотвореніе. Это былъ ангелъ-хранитель всего семейства и въ то же время существо, которому покланялись всѣ служившіе тогда на Кавказѣ, начиная съ намѣстниковъ до самыхъ маленькихъ чиновъ. Она носила съ собою какой-то особенный ореолъ благодушія, доступности, умѣнья войти въ нужды каждаго и дѣлать эти нужды своими. Когда ей случалось проживать въ Тифлисѣ, рѣдкую недѣлю не взбиралась она пѣшкомъ на крутую гору св. Давида для того, чтобы навѣстить драгоцѣнный прахъ. Умерла она 45-ти лѣтъ отъ роду въ 1857 г. отъ холеры и погребена рядомъ со своимъ возлюбленнымъ мужемъ.

VII.

Преимущества комедіи «Горе отъ ума» передъ прочими произведеніями Грибоѣдова.—Взгляды на нее Бѣлинскаго, Гончарова и Сенковскаго.—Общественное, историческое и общечеловѣческое значеніе комедіи Грибоѣдова.—Создалъ-ли Грибоѣдовъ школу?

Существуютъ писатели, литературная дѣятельность которыхъ проявляется въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе геніальныхъ произведеній по самымъ различнымъ отраслямъ поэзіи; таковы были напримѣръ: Гете и Шиллеръ въ Германіи, В. Гюго во Франціи, а у насъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь. Но есть иного рода геніи, вся творческая дѣятельность и, можно сказать, вся жизнь которыхъ исчерпывается созданіемъ одного великаго произведенія, которое возноситъ ихъ на недосягаемую высоту, и въ продолженіи многихъ вѣковъ

возвышается величественнымъ памятникомъ человѣческаго генія, своего рода маякомъ, ярко освѣщающимъ дѣла и мысли сотенъ поколѣній. Такими являются передъ нами Дантъ со своей «Божественной комедіей», Сервантесъ — съ своимъ «Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ», Де-Фое—съ «Приключеніями Робинзона-Крузе»;—такимъ-же является и Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ со своей безсмертной комедіей «Горе отъ ума».

Мы видимъ изъ фактовъ жизни Грибоѣдова, что его литературная дѣятельность не ограничивается одной этой комедіей. Онъ написалъ слишкомъ даже много, если взять во вниманіе непродолжительность его жизни, въ которой литературному труду онъ принужденъ былъ удѣлять очень немного времени. Но все остальное, что оставилъ Грибоѣдовъ послѣ себя, представляется неизмѣримо ниже «Горя отъ ума», не имѣетъ хотя-бы даже самаго отдаленнаго подобія съ его знаменитою комедіей, и не выдѣляется нисколько изъ ряда заурядной посредственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается подъ большимъ сомнѣніемъ, удалось-ли бы Грибоѣдову и въ послѣдующей своей жизни, если-бы она продлилась долго, написать что-либо стоящее на одной высотѣ съ «Горемъ отъ ума». По крайней мѣрѣ мы видимъ, что трагедія «Грузинская ночь», надъ которой онъ работалъ въ послѣдніе годы своей жизни, представляла значительное отклоненіе совсѣмъ въ сторону. Не смотря на восторженный отзывъ о ней Булгарина (не отличавшагося ни вкусомъ, ни эстетическимъ чутьемъ въ оцѣнкѣ современныхъ ему изящныхъ произведеній и очень часто вносившаго въ свои оцѣнки личныя пристрастія), можно предполагать, что «Грузинская ночь» далеко не имѣла-бы того литературнаго значенія, какъ «Горе отъ ума», по одному тому уже, что она была внушена впечатлѣніями жизни чуждаго народа, и, судя по фантастическому сюжету и сохранившимся отрывкамъ не Богъ вѣсть какого высокаго качества, имѣла-бы по всей вѣроятности характеръ отвлеченной, чистой художественности въ романтическомъ духѣ. Если-бы Грибоѣдову и удалось какъ нельзя болѣе лучше преуспѣть на этомъ неизвѣданномъ еще имъ поприщѣ, и трагедія его стояла бы на одной высотѣ съ лучшими изображеніями кавказской природы и жизни, какія въ то время были въ модѣ въ нашей литературѣ, и не уступала бы ни мало ни «Кавказскому плѣннику» Пушкина, ни «Мцыри» Лермонтова, то и въ такомъ случаѣ за комедіей «Горе отъ ума» оставалось-бы то преимущество, что она была не однимъ измышленіемъ художественнаго творчества въ духѣ господствующей литературной школы, а органическимъ продуктомъ самой жизни,

она была пережита, выстрадана авторомъ. Онъ заплатилъ ею за всѣ тѣ «милліоны терзаній», какія причинили ему современники,—и поэтому въ ней съ такой силой, какъ ни въ одномъ современномъ ей произведеніи, воплотился духъ времени Грибоѣдова, все, чѣмъ жили и страдали лучшіе изъ его современниковъ. Но, комедія Грибоѣдова имѣетъ не одно историческое значеніе, какъ выраженіе духа своего вѣка; она до сихъ поръ сохраняетъ свою современность и, вѣроятно, какъ и всѣ истинно великія произведенія искусства, впродолженіи многихъ и многихъ вѣковъ, а можетъ быть и тысячелѣтій, будетъ представляться отраженіемъ страданій и волненій, наполняющихъ жизнь людей во всѣ времена.

Не даромъ комедія, какъ только была написана, и задолго до появленія въ печати, сразу сдѣлалась достояніемъ всей грамотной Россіи. И до сего дня нѣтъ человѣка мало-мальски образованнаго, который не видалъ-бы на сценѣ и не перечитывалъ-бы ее многое число разъ при всякомъ удобномъ случаѣ, не цитировалъ-бы изъ нея массу стиховъ, вошедшихъ въ пословицы и поговорки, не употреблялъ-бы именъ дѣйствующихъ лицъ ея, какъ нарицательные клички для различныхъ категорій людей, встрѣчающихся на каждомъ шагу. Наконецъ до сихъ поръ почти всѣ дѣйствующія лица комедіи представляютъ для каждаго мало-мальски талантливаго актера весьма богатый матеріалъ для творчества, и трудность исполненія такихъ ролей, какъ Чацкаго, Фамусова, Репетилова, Молчалина, Скалозуба и Софьи такъ велики, что роли эти, удаваясь лишь очень сильнымъ дарованіямъ, до сихъ поръ служатъ прекраснымъ мѣриломъ для опредѣленія величины талантовъ. Такіе крупные артисты, какъ Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Сосницкій—составили себѣ славу исполненіемъ тѣхъ или другихъ ролей въ «Горе отъ ума».

Но, замѣчательно, что при всей популярности, какою пользуется «Горе отъ ума», до сихъ поръ еще мы не имѣемъ вполнѣ обстоятельной и установившейся оцѣнки комедіи Грибоѣдова,—ни въ эстетическомъ отношеніи, какъ театральной пьесы, *комедіи*, ни въ общественномъ. До какой степени приходится намъ путаться въ противорѣчивыхъ взглядахъ, можно судить, сравнивши двѣ столь выдающіяся характеристики «Горя отъ ума», —какъ Бѣлинскаго и Гончарова («Милліонъ терзаній»).

Бѣлинскій, разбирая подробно сцену за сценою, каждый актъ комедіи, пришелъ къ полному отрицанію ея, какъ комедіи, причемъ нашелъ, что все ея развитіе дѣйствія и любовной интриги крайне неестественно, личность Чацкаго ходульна, онъ просто крикунъ,

фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади, и что горе его не отъ ума, а отъ умничанья. И изъ всего этого отрицательнаго анализа знаменитый критикъ сдѣлалъ слѣдующій печальный выводъ:

«Горе отъ ума» не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и обьективности, составляющей необходимое условіе творчества.

«Горе отъ ума» — сатира, а не комедія: сатира-же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи, «Горе отъ ума» находится въ неизмѣримомъ, безконечномъ, разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но «Горе отъ ума» есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно нарисованныхъ кистію широкой, мастерскою, рукою твердою, которая если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладать. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ напр. сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго парооскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами... И въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» стоитъ на такомъ-же неизмѣримомъ и безконечномъ пространствѣ выше комедій Фонъ-Визина, какъ и ниже «Ревизора».

Несправедливая крайность такого приговора обусловливается тѣмъ, что Бѣлинскій, въ то время, какъ писалъ разборъ «Горя отъ ума»,—находился въ апогеѣ своего увлеченія философіей Гегеля, судилъ объ всемъ книжно, подводя живые факты подъ отвлеченныя философскія категоріи и будучи поклонникомъ гетевскаго олимпійства и теоріи чистаго искусства, преслѣдовалъ всякое живое и страстное отношеніе къ жизни и общественнымъ интересамъ. Такъ, онъ находитъ, что отношенія Чацкаго къ Софьѣ впродолженіи всей комедіи крайне нелѣпы и комичны и не свидѣтельствуютъ о присутствіи въ немъ ума. Но какъ будто умные люди никогда не дѣлаютъ глупостей и нелѣпостей, находясь въ экстазѣ страсти, мучаясь подозрѣніями ревности и неизвѣстности, и въ концѣ концовъ чувствами разочарованія и отчаянія. Таково ужъ искони свойство страсти помрачать разсудокъ, и если мы вздумаемъ шагъ за шагомъ разбирать развитіе самой, повидимому, поэтической страсти, вродѣ любви Ромео и Юліи, то непремѣнно усмотримъ рядъ поступковъ крайне неосновательныхъ.

Не менѣе несправедливо требовать, чтобы живой человѣкъ,

исполненный негодованія при видѣ окружающей его пошлости и низости, тщательно скрывалъ это негодованіе и относился къ людямъ съ лицемѣрно-любезными улыбками на томъ якобы благоразумномъ основаніи, что рѣчи его все равно не произведутъ никакого дѣйствія. Дѣло не въ цѣлесообразности обличительныхъ рѣчей, а въ причинности, въ томъ благородномъ чувствѣ негодованія, которое переполнятъ сердце, и не можетъ не вылиться, хотя бы въ результатѣ ничего нельзя было ожидать, кромѣ общаго отчужденія, гоненій, хотя-бы даже и смерти. Въ этомъ и заключается вся поэзія донъ-кихотства Чацкаго, просмотрѣнная Бѣлинскимъ.

Критика-же Гончарова представляетъ собою полный противовѣсъ критикѣ Бѣлинскаго, радикальную ея противоположность.

«Давно привыкли говорить, читаемъ мы у Гончарова, что нѣтъ движенія, т. е. нѣтъ дѣйствія въ пьесѣ. Какъ нѣтъ движенія? Есть—живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: «Карету мнѣ, карету».

«Это,—такая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ,—вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ,—но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т. е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ.

«Только при разъѣздѣ, въ саняхъ, зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію—интригу. Но и то не надолго. Передъ нимъ уже выростаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи.

«Главная роль, конечно—роль Чацкаго, безъ которой не было-бы комедіи, а была-бы, пожалуй, картина нравовъ.

«Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ.

«Можно-бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочіе около него не умны.

«Но Чацкій не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ, этотъ человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ «чувствителенъ, и веселъ, и остеръ».

Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжив-

шаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь «умъ».

«И Онѣгинъ, и Печоринъ оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже «озлоблены», носили въ себѣ и «недовольство», и бродили какъ тѣни съ «тоскующею лѣнью». Но презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину «франтить», «блестѣть» и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвицами и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимычемъ: это равнодушіе—считалось квинтэссенціей донъ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука «страсти нѣжной», а прочему всему они учились «чему-нибудь и какъ-нибудь»—и имъ нечего было дѣлать.

«Чацкій, какъ видно, напротивъ того готовился серьезно къ дѣятельности. «Онъ славно пишетъ, переводитъ», говоритъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ конечно путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—не трудно догадаться почему:

«Служить-бы радъ, прислуживаться тошно»,—намекаетъ онъ самъ. О «тоскующей лѣни, о праздной скукѣ» и помину нѣтъ, а еще менѣе о «страсти нѣжной», какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любитъ серьезно, видя въ Софьѣ будущую жену.

«Между тѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу—не найдя ни въ комъ «сочувствія живаго», и уѣхать, увезя съ собой только «милліонъ терзаній».

«Ни Онѣгинъ, ни Печоринъ не поступали-бы такъ шумно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но зато они уже поблѣднѣли и обратились для насъ въ каменныя статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою «глупость».

Мы нарочно привели такую большую цитату изъ статьи Гончарова. Ниже сдѣлаемъ еще нѣкоторыя заимствованія изъ нея, такъ какъ они въ большей степени, чѣмъ все сказанное о «Горе отъ ума», даютъ истинное и вѣрное понятіе, какъ обо всей комедіи, такъ и о типѣ Чацкаго. Но въ статьѣ «Милліонъ терзаній» замѣчается одинъ недостатокъ, который Гончаровъ раздѣляетъ съ Бѣлинскимъ, не смотря на то, что проводитъ діаметрально противуположный взглядъ. Подобно Бѣлинскому, Гончаровъ на первомъ планѣ ставитъ анализъ любовной интриги и слишкомъ много даетъ ей мѣста въ своемъ разборѣ; общественной же сторонѣ комедіи, составляющей сущность ея, онъ уступаетъ второе мѣсто и говоритъ о ней вскользь.

Но вѣдь это все равно, что разбирать «Гамлета», какъ изо-

браженіе любви принца датскаго къ Офеліи, или въ «Королѣ Лирѣ» главное вниманіе сосредоточить на анализѣ любви Корделіи и короля французскаго. Правильно ли изображена и развита любовная интрига Чацкаго и Софьи, какъ полагаетъ Гончаровъ, или неправильно, какъ указываетъ Бѣлинскій, — это вопросъ такой-же второстепенный, какъ и вопросъ о томъ, въ какой степени совершенно нарисованъ въ исторической картинѣ находящійся на заднемъ планѣ ея лѣсъ. Мы видимъ по крайней мѣрѣ, что и такіе великіе драматурги какъ Шекспиръ или Мольеръ выставляли на первомъ планѣ, тщательно вырисовывали и подчеркивали то, что составляетъ суть пьесы; всѣ же побочныя и необходимыя лишь для полноты картины черты позволяли себѣ обрисовывать лишь общими, едва намѣченными чертами.

Если же мы обратимъ вниманіе на главную суть комедіи Грибоѣдова, опредѣляющую огромное значеніе ея и то потрясающее впечатлѣніе, какое она произвела, то пальму первенства мы должны воздать не Бѣлинскому и Гончарову, а какъ это ни странно съ перваго взгляда—Сенковскому. Много высказалъ на своемъ вѣку вздорныхъ и нелѣпыхъ сужденій по русской литературѣ знаменитый редакторъ «Библіотеки для чтенія»,—но по отношенію къ «Горю отъ ума» ему удалось сказать весьма умное слово, опредѣляющее значеніе комедіи, какъ нельзя болѣе мѣтко и точно. Слово это появилось въ I томѣ «Библіотеки для чтенія» 1834 г., по поводу выхода въ свѣтъ перваго изданія «Горе отъ ума». — Вотъ оно:

«Горе отъ ума», читаемъ мы въ рецензіи Сенковскаго, занимаетъ въ нашей словесности по своему роду и духу именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это комедія политическая; Бомарше и Грибоѣдовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною колкостью сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ».

Дѣйствительно бываютъ въ жизни каждаго общества такіе моменты самосознанія, когда подъ вліяніемъ новыхъ идей внезапно освѣщаются яркимъ свѣтомъ всѣ вѣковыя язвы общества и обнаруживается вся та возмутительная фальшь и въ общественной, и въ частной жизни, какая практиковалась до тѣхъ поръ, освященная традиціоннымъ навыкомъ, какъ нѣчто незыблимое и даже обязательное.

Въ такой моментъ общественнаго самознанія появилась какъ комедія Бомарше, такъ въ свою очередь и «Горе отъ ума» Грибоѣ-

*

дова. Постоянно отступая на цѣлые десятилѣтія, если не столѣтія, отъ жизни Западной Европы, наше общество лишь къ началу 20-хъ годовъ, послѣ войны 1812 г., проникло тѣми самыми просвѣтительными и освободительными идеями, которыя вдохновили Бомарше. Въ это лишь время появились у насъ новые идеалы, олицетвореніемъ которыхъ представляется Чацкій, съ его горячимъ патріотизмомъ, въ видѣ стремленія заботиться не объ одномъ только эгоистическомъ личномъ благополучіи, но о благѣ и процвѣтаніи отечества, неподкупною честностью, гордымъ сознаніемъ чувства своего человѣческаго достоинства и независимою свободою отъ всякихъ суевѣрій, свѣтскихъ предразсудковъ и стѣснительныхъ условій общежитія, унаслѣдованныхъ нашимъ обществомъ отъ временъ татарскаго ига, византійства и домостроевщины. Все русское общество, и особенно московское, въ которомъ такъ много было еще застарѣлой, закорузлой азіатчины, раздѣлилось въ то время на два лагеря, исполненные ожесточенной вражды другъ къ другу:—Комедія «Горе отъ ума» какъ нельзя болѣе ярко отражаетъ въ себѣ эту взаимную вражду у двухъ лагерей. Въ этомъ отношеніи пьеса Грибоѣдова не только сатира и комедія, а самая животрепещущая и потрясающая драма, такъ какъ она не ограничивается однимъ изображеніемъ и осмѣяніемъ современныхъ нравовъ: съ первой и до послѣдней страницы въ ней развертывается роковая и страшная борьба двухъ стихій: грядущая и только что разцвѣтшая Европа борется здѣсь съ отжившей Азіей, свѣтъ съ тьмою, святая правда съ возмутительною ложью, благородная, гордая неподкупная честность съ ползучею и пресмыкающеюся низостью, свобода и независимость съ раболѣпствомъ и прислужничествомъ.

Грибоѣдовъ, равно какъ и всѣ передовыя его современники и единомышленники, играли роль піонеровъ тѣхъ новыхъ просвѣтительныхъ идей, которые пришли къ намъ въ оппозицію закорузлой азіатчины Фамусовыхъ и Молчалиныхъ,—и они вполнѣ походили на піонеровъ-новаторовъ въ двухъ отношеніяхъ:

Во-первыхъ, какъ всѣ такого рода люди, они были горячіе и необузданные проповѣдники своихъ новыхъ идей, пророки, которые только и дѣлали, что старались при каждомъ удобномъ случаѣ «глаголомъ жечь сердца людей», не обращая вниманія на метаніе бисера передъ свиньями и на то, какое впечатлѣніе и вліяніе производитъ ихъ проповѣдь. Таковъ и является передъ нами Чацкій, какъ яркое олицетвореніе современниковъ Грибоѣдова. Глубоко заблуждаются тѣ люди, начиная съ Бѣлинскаго, которые видѣли неестественность

и ходульность Чацкаго въ томъ, что онъ съ перваго-же появленія на сцену и до выхода въ четвертомъ дѣйствіи только и дѣлаетъ, что обличаетъ, порицаетъ и проповѣдуетъ, вѣчно находясь въ болѣе или менѣе взволнованномъ и приподнятомъ тонѣ. Но вѣдь Чацкій вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ разсудительныхъ молодыхъ людей, которые, являясь въ свѣтъ, чтобы блистать и составлять карьеру, знаютъ когда, кому и сколько слѣдуетъ высказать или промолчать. Чацкій былъ именно однимъ изъ тѣхъ безразсудныхъ проповѣдниковъ, которые, являясь первыми провозвѣстниками новыхъ идей, готовы бываютъ проповѣдывать даже и тогда, когда ихъ никто не слушаетъ, какъ это и вышло съ Чацкимъ на балу у Фамусова.

И во-вторыхъ, современники Грибоѣдова раздѣляли со своими первыми піонерами и ту печальную участь, что всегда они не только бываютъ непонятыми, осмѣянными практическими мудрецами пошлой рутины, но такъ или иначе устранены, какъ люди безпокойные. Послѣдователямъ всегда приходится идти по трупамъ предшественниковъ. Всѣ мало-мальски выдающіеся современники Грибоѣдова, начиная съ него самого, покончили такъ или иначе трагическою смертью.

Такою-же вполнѣ трагическою личностью является передъ нами и Чацкій. Онъ былъ не понятъ и осмѣянъ всѣми окружающими его людьми, всѣмъ московскимъ обществомъ. Домъ, гдѣ онъ провелъ все дѣтство, закрылъ передъ нимъ двери; дѣвушка, которую онъ страстно любилъ, подруга его дѣтства, предпочла ему самаго отъявленнаго пошляка; наконецъ, всѣ общимъ хоромъ признали его сумашедшимъ, и, разочарованный, отвергнутый, онъ принужденъ былъ искать по свѣту «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», а далѣе Богъ вѣсть, какая ждала его печальная участь... Этотъ трагическій смыслъ личности Чацкаго отражается и на всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицахъ комедіи. Какъ ни осмѣивали и ни отвергали Чацкихъ въ эпоху Грибоѣдова, но пламенныя рѣчи ихъ производили глубокое и неотразимое впечатлѣніе, и все общество въ то время находилось въ состояніи сильнаго возбужденія и броженія. Такимъ мы видимъ его и въ комедіи Грибоѣдова. Передъ нами развертывается картина московскаго общества вовсе не въ будничномъ, спокойномъ его прозябаніи день за днемъ, а напротивъ того чрезвычайно встревоженнаго. Это совсѣмъ какъ есть муравейникъ, въ который бросили палку и все въ немъ закопошилось. И Фамусовы, и Скалозубы, и Хлестовы, и Хрюмины, и Загорѣцкіе, и Репетиловы—всѣ принялись взапуски разсуждать «о матеріяхъ важ-

ныхъ» — и Бѣлинскій совершенно напрасно обвиняетъ Грибоѣдова въ томъ, что онъ заставляетъ своихъ пошлыхъ героевъ Фамусова, и Скалозуба измѣнять самимъ себѣ, проговариваться и заниматься самообличеніями совсѣмъ въ духѣ Чацкаго. Въ такіе моменты общественной жизни, какой изображенъ въ комедіи, всегда такъ бываетъ: что тѣ самые Фамусовы и Скалозубы, которые наиболѣе возстаютъ на Чацкихъ, сами невольно заражаются отъ нихъ и начинаютъ обличать всѣхъ окружающихъ, начиная съ самихъ себя.

Имѣя въ этомъ отношеніи глубокое и важное историческое значеніе, такъ какъ ни въ одномъ произведеніи того времени не изображено русское общество 20-хъ годовъ съ такою типическою полнотою и разнообразіемъ, въ основныхъ мотивахъ общественной драмы, совершавшейся на глазахъ Грибоѣдова,—въ тоже время комедія Грибоѣдова имѣетъ и глубокое общечеловѣческое значеніе для всѣхъ странъ и временъ, такъ какъ трагедія первыхъ піонеровъ въ лицѣ Чацкаго вѣковѣчна, неизмѣнно повторялась съ каждымъ новаторомъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Гончаровъ, къ которому мы вновь возвращаемся въ заключеніи нашей характеристики «Горя отъ ума».

«Чацкій, говоритъ Гончаровъ, неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу.

«Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ. У кого, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь, у другихъ—самолюбіе или славолюбіе,—но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой «милліонъ терзаній», и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень немногимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились—хотя и безкорыстно, не для себя и не за себя, а для будущаго, и за всѣхъ, и успѣли.

«Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой — Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одною кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больнаго съ здоровымъ, и все бьется въ поединкахъ, какъ Горація и Куріаціи—миніатюрные Фамусовы и Чацкіе.

«Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и кто-бы ни были дѣятели, около какого-бы человѣческаго дѣла—будетъ-ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ—ни группировались люди,—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта «учаться, на старшихъ глядя», съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ «свободной жизни» впередъ и впередъ, съ другой.

«Вотъ отчего не состарился до сихъ поръ и едва-ли состарѣется когда-нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее, и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили не мало въ жизни и въ искусствѣ — или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ Сервантесовскаго Донъ-Кихота и Шекспировскаго Гамлета являлись и являются безконечныя ихъ подобія».

Послѣ Грибоѣдова, русская комедія подъ вліяніемъ Гоголя, а затѣмъ Островскаго пошла совсѣмъ по другому руслу. и «Горе отъ ума» является повидимому совершенно одинокимъ явленіемъ въ нашей литературѣ, не создавши школы и не имѣя послѣдователей. Но это только повидимому. Комедія Грибоѣдова оставила такой глубокій слѣдъ въ нашей литературѣ, что еще до сихъ поръ едва только какой-либо писатель вздумаетъ написать комедію изъ интеллигентнаго слоя общества стихами, онъ никакъ не можетъ освободиться отъ грибоѣдовскаго стиля: неизбѣжно будетъ подражать и грибоѣдовскому разговорному языку, и грибоѣдовской манерѣ остроумія посредствомъ провербовъ, эпиграммъ и каламбуровъ.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *И. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Алльмединген*а. Ц. 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ *А. Алльмединген*а. Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейер*а. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р.
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.
Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.
Ручной трудъ. *Графинги*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія. Ц. 1 р. 50 к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Рейляра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы. *Рейе*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Минверъ*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун. Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.
Воздушное садоводство *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима*. Пер. *Н. Корфъ*. Ц. 75 к.
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца*. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*. Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера*. Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера*. Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. СПБ. 1 Іюля 1892 года.